

«РАБОТА НА СЕБЯ»: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В ЛИЧНЫХ ЦЕЛЯХ В ПОЗДНЮЮ СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Ольга Смоляк

Ольга Смоляк – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Пермской государственной академии искусства и культуры, аспирант кафедры средневековых и современных языков Оксфордского университета. Адрес для переписки: Brasenose College, Radcliffe Square, Oxford, OX1 4AJ, UK. olga.smolyak@bnc.ox.ac.uk.

Я благодарна двум анонимным рецензентам и редактору журнала Laboratorium Елене Богдановой за стимулирующую критику, которая помогла мне улучшить статью. Отдельную благодарность я выражаю Катрине Келли, Сергею Ушакину, Лоре Адамс, Алексею Голубеву, чьи ценные критические замечания, рекомендации и поддержка были мне крайне необходимы, чтобы преодолеть все трудности творческого процесса, особенно на этапе редактирования статьи. Я хотела бы также выразить глубокую благодарность руководителям, преподавателям и участникам семинара по улучшению преподавания (RESET) «Советское в повседневности», который был организован при поддержке Фонда «Открытое общество», OSI-HESP (2010–2013), за вдохновение, дискуссии по теме статьи на первых этапах работы над ней и полученные новые знания в области социальной антропологии. Работа выполнена при поддержке РФНФ (№ 13-03-00167).

Предметом исследования является распространенная в позднюю советскую эпоху практика «работы на себя», включающая процесс создания и ремонта предметов домашнего обихода в условиях промышленного предприятия с использованием ресурсов завода в рабочее время. Исследовательская оптика построена на основе теории Мишеля де Серто, в которой повседневные практики представлены как анонимное творчество, и концепции культурной биографии вещей Игоря Копытоффа, под которой понимается перемещение вещи в пространстве социальных значений. В исследовании особое внимание уделено перемещению вещи из домашней сферы в производственную и обратно; показано участие вещи в процессах взаимодействия людей, где она выступает инструментом создания социальной сети. Автор доказывает, что в советское время практика использования ресурсов предприятия в личных целях способствовала выражению профессиональной идентичности и чувства рабочей гордости; она воспринималась как реализация социалистической идеи о всенародной собственности.

В постсоветское время работники связывают ограничение доступа к ресурсам предприятия с неуважительным отношением работодателя к труду рабочего и утраченной социальной справедливостью.

Ключевые слова: социальное пространство; советская повседневность; биография вещей; публичная и приватная сферы; социальные сети; самодельные вещи; «работа на себя»; культура труда

Биография вещи имеет совершенно исключительную емкость для включения в нее человеческого материала.

Сергей Третьяков. Биография вещи

Предметом исследования является практика, включающая процесс создания и/или преобразования вещи в условиях заводского производства. В статье речь пойдет о предметах быта, предназначенных для личного пользования в домашних условиях (кастрюли, сковородки, кухонные ножи и пр.), для ремонта или чистки которых использовались, однако, ресурсы промышленного предприятия (сырье, оборудование, знание технологического процесса и пр.). Речь также пойдет о промышленных предметах, которые были признаны металлоломом и подлежали утилизации, но были творчески использованы для изготовления разного рода домашней утвари: кухонных ножей, ледобуров, шампуров. Наконец, нужно добавить, что этой деятельностью работники предприятия занимались в рабочее время.

В фокусе исследования находятся вещи – материальные свидетельства как самой практики, так и культуры. Помещение материального объекта в центр внимания представляется необходимым шагом для раскручивания нитей паутины смыслов, которые тянутся за перемещением «простых» вещей между пространствами рабочей и домашней сферы. Предлагаемая исследовательская оптика позволит показать, как вещь участвует в процессах взаимодействия людей, выступая инструментом создания социальной сети; обратить внимание на то, каким образом трансформируется значение вещи в связи с ее передвижением из производственного пространства в домашнее, из советского – в постсоветское. Исследование практики использования ресурсов предприятия в личных целях позволяет сделать дополнительный вклад в объяснение текучести границ домашнего и производственного пространства, а также особенностей трудовых отношений на советском предприятии. Представляется, что внимание к созданным вещам и тем смыслам, которые они в себе несут, поможет разобраться в том, какое значение для работников имел доступ к ресурсам предприятия в позднюю советскую эпоху.

Цель статьи – изучить практику использования ресурсов предприятия в личных целях как явление, встроенное в систему производственных отношений, но при этом связанное с системой домашнего хозяйства. Проследив за передвижением вещей с работы домой и из дома на работу, я попытаюсь доказать, что практика использования ресурсов предприятия в личных целях в позднюю советскую

эпоху была включена в процесс формирования профессиональной идентичности, а взаимодействие по поводу этой практики способствовало проявлению чувства рабочей гордости. Я покажу также, что доступ работников к ресурсам предприятия был встроен в их ожидания проявления уважения к труду со стороны начальника и воспринимался как реализация социалистической идеи о всенародной собственности. Наконец, я нахожу необходимым обратить внимание на то, как ограничения в доступе к ресурсам предприятия могли влиять на отношение работников к администрации.

Статья состоит из трех частей. В первой части объясняется методологический подход к исследованию и источники, на которых оно построено. Во второй части статьи анализируются особенности практики использования ресурсов предприятия в личных целях. Третья часть посвящена анализу тех значений, которые приписывались самодельной вещи, изготовленной на промышленном предприятии; исследованию того, как эти значения менялись в зависимости от положения вещи в социальном пространстве и какое значение для работников имел доступ к ресурсам предприятия в советское и постсоветское время.

ПУТЕШЕСТВУЮЩИЕ ВЕЩИ И «РАБОТА НА СЕБЯ»

Практику использования ресурсов предприятия в личных целях нельзя назвать ни изобретением отечественной культуры, ни побочным эффектом советской плановой экономики. Ее широкое распространение связано со становлением массового производства, которое является, по сути дела, универсальным явлением Новейшего времени. В нескольких индустриальных странах эта практика получила разные, как правило идиоматические, названия, что иллюстрирует Мишель Антеби, приводя выражения из британского и американского английского в попытке обнаружить эквивалент той практики, которая на французском языке называется *la perruque* (пер. с фр. – «парик»¹) (Anteby 2006:e23–e24). О природе и содержании этой практики говорит Мишель де Серто, отмечая, что к ней относятся как к нарушению установленного социального порядка. Между тем, де Серто подчеркивает, что *la perruque* не является воровством в чистом виде, потому что это не связано с кражей материалов; это также нельзя назвать формой абсентеизма, поскольку работник присутствует на рабочем месте. Эта практика может иметь как очень простую (секретарь пишет любовное письмо в рабочее время), так и более сложную формы (мастер-краснодеревщик «заимствует» токарный станок, чтобы сделать мебель для своей гостиной). В конечном итоге, говорит де Серто, «под разными именами в разных странах этот феномен становится все более и более распро-

---

¹ Несмотря на то, что в своей статье Мишель Антеби использует лексику *la perruque*, он обращает внимание и на тот факт, что во Франции практика использования ресурсов предприятия в личных целях в рабочее время имеет различные названия в разных регионах (*bricoles, pinailles, bousilles, pindilles*). Для сравнения и доказательства распространенности этой практики он также приводит примеры лексических вариаций, обозначающих эту практику, в американском (*homers, government jobs*) и британском английском (*idling, pilfering*) (Anteby 2006:e23–e24).

страненным, даже если менеджеры наказывают за него или “закрывают глаза”, чтобы ничего не знать о нем» (de Certeau 1984:25).

В своей работе де Серто несколько раз обращается к практике *la perruque* для более убедительной характеристики тех повседневных практик, которые он определяет как тактики. Как известно, тактикой автор называет рассчитываемое действие, которое не имеет собственного места в социальном пространстве и поэтому должно подстраиваться под существующий социальный порядок, выкраивая случайные возможности для своего проявления (de Certeau 1984:37). Это искусство браконьерства и технической изобретательности, близкой, в нашем понимании, к цирковым трюкам (26). Это практика экономической диверсии, протестующая против экономики прибыли. Поэтому *la perruque* основана на добровольных обменах, которые организованы в социальную сеть, связывающую обязанностью давать взамен (27). Практики тактического типа в концепции де Серто являются проявлением мягкого сопротивления, индивидуального несогласия с жестким, подавляющим человеческую волю социальным порядком индустриального общества. Автор описывает практику *la perruque* в контексте особенностей индустриальной капиталистической экономики. Ее распространенность связана с введением рациональных принципов разделения труда и закреплением за работником отдельной операции.

В этом смысле *la perruque* представляет собой одну из практик, направленных на преодоление эффекта отчуждения человека от результатов труда и отставания профессиональной автономии. Авторы исследований, посвященных культуре рабочих, также обращают внимание на подобные «социальные изобретения»², позволяющие в мягкой форме сопротивляться тому дисциплинарному порядку, который устанавливается в условиях массового производства. Так, например, Альф Людтке, исследуя культуру повседневности немецких рабочих, вводит понятие *Eigensinn* (пер. с нем. – «своенравие, упрямство») для объяснения практики уклонения от трудового процесса. Людтке выделяет две модели *Eigensinn*. Первая модель основана на невербальном общении и взаимном телесном контакте рабочих и имеет вид «грубых игр», которые устраивались в рабочее время еще в довоенную эпоху (Людтке 2010б:98). Благодаря тому, что рабочие самовольно прерывали или вовсе игнорировали производственный процесс, они создавали как бы свое собственное «пространство» на рабочем месте, демонстрировали рабочую гордость (102–103), проявляли чувства индивидуальной и коллективной идентичности (120). Вторая модель *Eigensinn*, описанная в исследовании, посвященном культуре рабочих Западной и Восточной Германии в 1950–1990-е годы, является проявлением политического сознания и/или профессиональной сознательности. Автор связывает проявление своеобразия с упорством и изобретательностью при выполнении производственного задания. Причем, в зависимости от обстоятельств, проявление изобретательности

---

² Термин «социальное изобретение», указывая на его интерсубъективный и непреднамеренный характер, объясняет Наталья Козлова, которая обращается при этом к теоретическим позициям Норберта Элиаса, Бернхарда Вальденфельса, Мишеля Фуко, Рома Харре, Мишеля де Серто, Пьера Бурдьё. Подробнее см. Козлова (2005:68–74).

могло касаться как стремления сделать качественную работу наперекор трудностям, возникшим с поставками (Людтке 2010а:252), так и стремления не допустить повышения планов выпуска продукции при сохранении имеющихся выгод в оплате и условиях труда (251). В любом случае проявление рабочими своеволия (*Eigensinn*) было связано с уверенностью в собственном опыте и мастерском владении методами работы и техникой и способствовало повышению чувства собственного достоинства, достижению индивидуальной автономии на производстве (257). Пол Томпсон на примере исследования четырех поколений английских рабочих, занятых на предприятиях автомобильной промышленности, показывает, что переход отрасли к максимально полной автоматизации означал для квалифицированных специалистов потерю профессиональной автономии, что особенно остро стало ощущаться в послевоенное время. Новые должности не соответствовали их высокой квалификации, а условия труда (зависимость от нормирования времени) и монотонная, нетворческая работа рассматривались как унижение. Чтобы примириться с такими условиями, рабочие привнесли в свою работу элемент игры, построенный на торге между профсоюзом и администрацией (Thompson 1988). В целом исследования показывают, что в условиях массового производства самостоятельность работника, с которой связано свободное распоряжение рабочим временем, инициативность, самоконтроль за качеством работы, оказываются не только не востребованными, но, как отмечает Татьяна Щепанская в комплексном исследовании профессиональных сообществ, мешают развитию рыночных сил (2010:12).

В русском переводе исследования Мишеля де Серто «Изобретение повседневности» понятию *la perruque* соответствует идиоматическое словосочетание «работа на себя». Учитывая характеристики *la perruque* – «работы на себя», такой перевод кажется более подходящим, чем, например, «работа налево», «калым», «шашашка» или использование для обозначения людей, которые совершают мелкие кражи на производстве, термина «несуны», к которому мы привыкли в обиходной речи: «Обвиняемый в краже, в присвоении материала для получения выгоды и в использовании машин в своих собственных интересах рабочий, который занимается “работой на себя”, похищает у завода время (а не материальные ценности, поскольку использует только остатки) во имя свободной, творческой и вовсе не направленной на извлечение прибыли работы. В тех самых местах, где правит машина, которой он должен служить, рабочий, хитря, получает удовольствие от того, что находит способы создавать бесплатные продукты, цель которых состоит исключительно в том, чтобы при помощи этого творения он мог обозначить собственное знание, а посредством траты (времени и материалов) – подтвердить солидарность с другими рабочими или семьей» (де Серто 2013:96). Стоит обратить пристальное внимание на формальные характеристики практики «работы на себя», как их определяет де Серто. Он охарактеризовал в общем виде: а) место практики в социальном пространстве; б) условия для ее совершения.

Как и другие практики тактического типа, «работа на себя» лишена своего места в социальном пространстве и зависит от случайностей времени, то есть, несмотря на то, что она связана с промышленным производством, ее существо-

вание не предполагается в системе устройства промышленного предприятия. Однако она может гибко подстраиваться под существующий дисциплинарный порядок, преодолевая границы, распределяющие время на труд и досуг (de Certeau 1984:29). Говоря о месте практики в социальном пространстве, стоит заметить, что вещи и предметы, связанные с ней, не обращают на себя внимание внутри предприятия, но приобретают значение интересных и творческих самоделок тогда, когда оказываются за пределами завода (29). В своем тексте де Серто рассуждает о практике, но не называет отдельными терминами вещи, которые произведены с ее помощью. Однако автор отдельно уточняет, что те вещи, которые были изготовлены в рабочее время и на рабочем месте, оказываясь за пределами завода, принимают форму бриколажа (29). Другая формальная характеристика «работы на себя» связана с тем, что сопротивление существующему порядку основано на экономике дара в том значении, в каком ее описал Марсель Мосс. Де Серто считает важным подчеркнуть разное отношение двух типов экономик к потере ресурсов: если в экономике дара потеря была добровольной, то в экономике прибыли она превращается в нарушение – она оказывается расточительностью (пустыми тратами), протестом (отказом от прибыли) или преступлением (посягательством на собственность) (27). Таким образом, описывая формальные характеристики «работы на себя», де Серто определяет эту практику как производственную, поскольку в ее результате изготавливается какая-то вещь, однако эта вещь не является товаром. Он характеризует практику «работы на себя» как а) несовместимую с индустриальным промышленным производством, организующим труд на принципах рациональности ради максимального извлечения прибыли; б) гибкую и способную встраиваться в существующий социальный порядок.

Наблюдения, высказанные де Серто, легли в основу гипотезы и получили дальнейшее развитие в данном исследовании. Представляется, что мобильность и гибкость практики «работы на себя» может быть объяснена не просто как нарушение дисциплинарного режима, а как способность преодолевать границы, распределяющие время и пространство. Речь может идти не только о границах между рабочим временем и обеденным перерывом (о чем говорит де Серто), но и между профессией и хобби, работой и домом (то есть публичной и частной сферой соответственно). Вот почему здесь наблюдаются два явления: во-первых, работника практически невозможно обвинить в том, что он извлекает выгоду для себя самого, используя свои знания технологического и производственного процессов в течение рабочего дня, когда его оплачиваемые усилия должны быть направлены на выполнение производственных задач, поставленных работодателем; во-вторых, изготавливаемые вещи часто не вызывают подозрения именно благодаря способности практики «работы на себя» гибко встраиваться в производственный процесс и налаживать индивидуальное взаимодействие между людьми. Отсюда следует, как отмечает де Серто, что статус изготовленных вещей действительно не может быть определен внутри завода. Однако, возможно, это происходит потому, что практика «работы на себя» зависит от индивидуально установленных конвенций между работником

и начальником. Именно поэтому работника часто нельзя «поймать» за изготовлением вещей, и, преодолев границы завода и будучи помещены в пространство частной сферы, созданные вещи воспринимаются положительно, как знак признания умений их создателя. Они перевоплощаются в результат социально одобряемого и поощряемого действия – в практику домашнего технического творчества. Наконец, важным представляется наблюдение де Серто о том, что «работа на себя», как практика тактического типа, демонстрирует свое мягкое сопротивление существующему социальному порядку, используя доиндустриальное отношение к потере ресурсов, и строится на принципах взаимного обмена дарами. Однако здесь обнаруживается определенное противоречие, которое требует дополнительного разъяснения.

Если в целом практики тактического типа являются со стороны «маленьких людей» формой мягкого сопротивления подчинению, то принципы обмена дарами, описанные Марселем Моссом, не могут быть условием совершения практики, например, «работы на себя», поскольку схема, которую предлагает Мосс, строится на страхе потерять свой ранг, уклонившись от обязанностей давать, принимать и возмещать (2011:203–213). Другими словами, концепция дара предусматривает построение иерархических отношений. В то же время, если принять во внимание результаты исследования культуры рабочих промышленных предприятий Людтке (2010а, 2010б) и Томпсона (Thompson 1988), невозможно не заметить, что практики тактического типа ориентированы на построение горизонтальных связей и выражение чувства солидарности. Следовательно, можно сделать предположение, что вещи, как результат практики «работы на себя», могут циркулировать, хотя и не в виде тех даров, которые описал в своем исследовании Мосс. Тем не менее взаимные добровольные обмены являются необходимым условием практики «работы на себя», поскольку создают сеть квазипрофессиональных связей. Она в свою очередь способствует не только обмену профессиональными знаниями и умениями, но и формированию нерационального отношения – аффективных привязанностей – к коллегам и месту работы. Впрочем, не стоит спешить полностью исключать концепцию дара из исследования практики «работы на себя»: поскольку она основана на доступе к ресурсам, то необходимо представлять, на основе какого принципа осуществляется этот доступ. Здесь стоит учесть характер взаимодействия работника с руководством предприятия (то есть речь идет об иерархической модели отношений). В этом смысле, конечно, необходимо обратить внимание на представление об обязанности давать, о котором говорит Мосс: «...дают потому, что вынуждены это делать, потому, что получатель обладает чем-то вроде права собственности на все, что принадлежит дарителю. Эта собственность выражается и воспринимается как духовная связь» (2011:154). Не будет лишним уточнить, что речь идет не об организации социального порядка как такового, а о представлении о взаимодействии между предприятием и работниками, которое может быть выражено в разных социальных эмоциях. Учитывая то, что Мосс признавал возможным распространять описанную им модель социального взаимодействия на современные общества (262), можно предположить, что доступ к ресурсам промышленного предприятия, необходи-

мый для осуществления практики «работы на себя», в советском социальном контексте был связан с ожиданием реализации социалистической идеи о всенародной собственности³.

Таким образом, основу концепции данного исследования, посвященного трудовой культуре позднего советского времени, составляют две ключевые идеи: 1) гибкость и способность практики «работы на себя» преодолевать границы между частной и публичной сферой способствуют процессу легализации вещей, произведенных в рабочее время с использованием ресурсов завода; 2) условиями совершения практики «работы на себя» являются а) взаимные добровольные обмены между работниками, которые способствуют выражению чувства профессиональной идентичности и отстаиванию профессиональной автономии; б) доступ к ресурсам предприятия, который может восприниматься как реализация социалистической идеи о всенародной собственности.

Особенности практики «работы на себя» и ее производственный характер учтены при определении техники исследования, в соответствии с которой предполагается поместить в центр исследования материальные объекты и, наблюдая за процессами их создания, выявлять значение вещей и явлений, с которыми они связаны. Такая процедура уже была использована в исследованиях, посвященных советской культуре. Так, Ольга Гурова, изучая практики потребления, сосредотачивает внимание на предмете потребления – нижнем белье (2008). Николай Ссорин-Чайков и Ольга Соснина анализировали практику дарения подарков советским вождям, рассматривая прежде всего сами подарки (Соснина и Ссорин-Чайков 2010; Ssorin-Chaikov 2013; Ssorin-Chaikov and Sosnina 2004). И в том, и в другом случае авторы, опираясь на теоретическую концепцию Игоря Копытоффа (2006), изучают особенности культуры через социальную жизнь материальных объектов.

Концепция культурной биографии вещей Копытоффа рассматривается в современной социальной антропологии как теоретическая модель, предоставляющая исследователю широкие возможности анализа материальной культуры, исходя из представления о том, что вещь аккумулирует смыслы, которые связывают ее с процессом создания и культурным контекстом. Чтобы раскрыть эти смыслы, необходимо допустить, что вещи, как и люди, имеют социальные характеристики, то есть они способны так же проживать свою жизнь в социуме, и поэтому у них, как и у людей, есть свой жизненный опыт, который можно изложить в хронологическом порядке. Техника исследования, как показывает Копытофф, предполагает серию вопросов, аналогичных тем, что задают о людях: «Каковы в социологическом плане биографические возможности, допускаемые статусом вещи, данной эпохой и культурой, и как эти возможности реализуются? Откуда эта вещь взялась, и кто ее

---

³ Для аргументации этой части гипотезы стоит обратить внимание на социологическую традицию, под влиянием которой Мосс построил свою концепцию. Как отмечает Александр Гофман, особое внимание на подход Мосса к проблематике социального обмена оказала концепция социальной солидарности Эмиля Дюркгейма и его интерпретация общества как «моральной сущности, основанной на солидарности, взаимосвязи и взаимозависимости составляющих его индивидов и групп» (2011:33).

сделал? Какова была ее карьера, и что люди считают идеальной карьерой для подобных предметов? Каковы общепризнанные эпохи или периоды в жизни этой вещи, и как они культурно маркированы? Меняется ли использование вещи с течением времени, и что с ней случится, когда она исчерпает свою полезность?» (2006:137).

В данном исследовании предлагается, опираясь на концепцию Копытоффа, сосредоточить внимание не на всем жизненном опыте вещи (который включает процессы создания, функционирования и утилизации), а лишь на тех фрагментах, которые связаны с ее перемещением в социальном пространстве⁴. Говоря метафорическим языком, исследовать «путешествие вещи». Объясняя значение концепции Копытоффа, Виктор Вахштайн отмечает, что биография вещи есть «перемещение вещи в пространстве социальных значений» (2006:18). Другими словами, мотив путешествия задает социальный контекст жизненному опыту вещи: беспристрастно высвечивает, если можно так сказать, те явления и процессы, с которыми вещь соприкасается. При этом зачастую, благодаря этому перемещению, становится возможным соединить раздробленные аналитическими инструментами разные сферы социального мира. Здесь уместно привести сравнение социального производства с производством ткани на ткацком станке. Вещь выполняет ту же функцию, что челнок, который движется, прокладывая поперечную нить между параллельно натянутыми нитями основы. Поперечной нитью являются смыслы и символические значения вещи, которые скрепляют взаимодействия людей. Кроме того, вещь-челнок движется в разных сферах социального пространства, без особого труда переходя из одной сферы в другую. Так вещь нарушает границы пространства. Фокусируя исследовательскую оптику на вещи, мы нарушаем непроницаемость границ социального пространства, построенную, как верно замечает Джеф Вайнтрауб (Weintraub 1997a, 1997b), с помощью аналитического инструмента, но не существующую на самом деле. Речь идет, например, о частной и публичной сферах, которые обладают большой степенью независимости и самостоятельности в модернизирующихся обществах, однако использование бинарной оппозиции «частное – публичное» при анализе социального пространства значительно упрощает описываемую реальность. Этот факт отмечают многие исследователи, обратившие свое внимание на «пористость» границ частного и публичного в советском обществе⁵.

---

⁴ Попытка представить передвижение вещи как биографический факт была сделана в коллективном исследовании, посвященном изучению изменений вещей в процессе перемещения во времени, пространстве и социальных сферах (Hahn and Weiss 2013). Авторы исследования предлагают ввести в научный оборот новое понятие *itinerary* (маршрут, путь), соединив концепцию культурной биографии вещей Игоря Копытоффа и путешествующих культур Джеймса Клиффорда. Однако подобные теоретические построения кажутся избыточными.

⁵ Исследованиям частной и публичной сферы, а также вопросам преодоления бинарной оппозиции при анализе культуры посвящен целый ряд работ. Назову лишь некоторые из тех, которые подкрепляют тезисы о необходимости преодоления бинарных оппозиций и/или эвристическом потенциале использования вещи в анализе практик: Balina and Dobrenko (2009); Crowley and Reid (2002); Crowley and Reid (2010); Klumbyte and Sharafutdinova (2012); Siegelbaum (2006); Yurchak (2006).

В данном исследовании под путешествием вещи понимается ее передвижение в социальном пространстве между приватной и публичной сферой. Биографии некоторых кастрюль и сковородок отмечены путешествием из городских квартир в производственные цеха, где их чинили или чистили и откуда владельцы приносили их обратно домой, наслаждаясь *как бы* новой вещью, что фактически означало продление жизни этих предметов. Некоторые простые инструменты (такие, например, как кухонные ножи и шампуры) зачастую изготавливались из остатков сырья во время рабочей смены и приносились затем домой для использования. Путешествие таких вещей свидетельствует о том, что они никогда не были товаром, а многие из них не были и подарком. В биографии более сложных инструментов (например, ледобура для зимней рыбалки) обнаруживается длительное путешествие между заводскими цехами, потому что производство такой вещи связано с более сложными технологическими процессами, для осуществления которых требовались переговоры и взаимные добровольные обмены между людьми – коллегами по работе. Готовая вещь покидала завод и занимала достойное место в гараже, квартире или на даче, где начинался новый виток ее биографии. Путешествие некоторых вещей связано с переходом от одного владельца к другому. Их сложная биография сопровождается изменением функций и падением статуса. Так, походный армейский термос, отслужив свою службу в воинской части, перешел в индивидуальное частное пользование, был затем отремонтирован. Вместо казенных щей его стали наполнять грибами. Биография других вещей начинается с путешествия между заводами, и домашними эти вещи становятся только тогда, когда по воле случая попадают на дачные участки горожан. Например, забор из металлической вырубки⁶: металлические листы были изготовлены на одном заводе, детали вырублены на другом, а забором он стал только тогда, когда рабочий смог организовать вывоз металлолома на свой дачный участок. Как правило, вещи со сложными биографиями являются вещами-долгожителями. Это можно сказать, например, о железнодорожной цистерне или понтонной бочке, путешествие которых сопровождалось сменой владельцев, функций и статусов, но их до сих пор можно наблюдать в дачных кооперативах. Отсюда есть основания говорить, что путешествие таких вещей связано не только с пространственным перемещением (завод – дачный кооператив), но и с перемещением между культурами во временном измерении (советская – постсоветская).

Акцент на передвижении вещи в пространстве связан с тем, что в задачи исследования не входит рассмотреть полную биографию каждой вещи. С помощью метафоры путешествия поле исследования ограничивается тремя процедурами, описанными Максом Глюкманом: обрезание поля в пространстве и времени, принятие некоторых фактов как данность, упрощение некоторых исходных данных (Gluckman 1964). Поэтому некоторые события в биографиях рассматриваемых вещей (например, как была сделана кастрюля) будут опущены, а тот факт, что вещь

---

⁶ Вырубка – это материал, изготовленный из отходов прессового производства. Из стальной ленты производят заготовки для изделий. При этом в ней вырубается отверстие, расположенные в шахматном порядке. Вырубку также называют «высечка» или «просечка». Забор из металлической вырубki представлен на рис. 1.

была куплена в магазине – принят как данность. В то же время вопросу о том, как, например, та же кастрюля была почищена, будет уделено особое внимание. В конце концов, из огромного множества стандартных алюминиевых кастрюль, которые, в общем-то, не являлись дефицитом в советское время, только некоторые проходили чистку в гальваническом цехе машиностроительного завода. Остальные чистили на кухне доступными средствами бытовой химии.

Эмпирическими источниками исследования являются девять интервью (восемь индивидуальных интервью и одна коллективная беседа): пять из них взяты в Перми, три – в Самаре и одно – в Коркино (Челябинская область) (тем не менее стоит указать, что в интересующее нас время – 1970–1980-е годы – информанты проживали в Перми, Куйбышеве⁷, Тольятти, Бийске, Йошкар-Оле и Челябинске). Среди информантов восемь инженерно-технических работников, офицер, товаровед и рабочий⁸. География интервью формировалась следующим образом: первоначально пятеро информантов были привлечены к исследованию, основной целью которого было выяснение отношения бывших работников советских предприятий к «несунам», в том числе – возможности и способы участия самих информантов в «мелких хищениях социалистической собственности» в 1970–1980-е годы. Предполагалось, что интервью могут послужить еще одним источником уже начатого исследования, углубив его содержательно и концептуально (Смоляк 2012). Состав информантов определился стихийно и значительным фактором в его формировании являлось посредничество коллег и знакомых при установлении контактов. Не все информанты соглашались говорить в формате индивидуального интервью, однако свободно рассказывали об этих практиках в ситуации дружеского застолья. Другие особенности хода интервью тоже с очевидностью указывали, что следует внести определенные коррективы в проводимое исследование. В то же время, материалы каждого из первых пяти интервью высветили тему использования ресурсов предприятия в личных целях под другим углом. Прежде всего стоит обратить внимание на тот факт, что информанты не без гордости описывают ситуации, когда у них получалось изготовить вещь, которая затем служила им некоторое время. Примечательно также, что они вспоминали об этих самодельных вещах, несмотря на то, что некоторые из вещей уже десятилетия назад были выброшены. Информанты достаточно подробно описывали технологические решения, которые требовались для изготовления или ремонта вещей; иногда называли по именам и/или упоминали личностные характеристики тех коллег, с которыми нужно было договариваться, чтобы сделать вещь или отремонтировать ее. В этих рассказах речь шла о простых самодельных вещах – мелких предметах домашнего быта. Все вместе эти свидетельства реконструировали имевшие место в прошлом ситуации, в которых бытовые вещи являются посредниками в непрофессиональной коммуникации на рабочем месте. Так наметился новый поворот исследования, для которого дополнительно были взяты три интервью. Последующий анализ интервью показал, что типы биографий вещей, выявленные в первых беседах, имеют место и в последних трех интервью. Несмотря на ши-

---

⁷ Город Самара носил название Куйбышев с 1935 по 1991 год.

⁸ Полный список информантов см. после списка литературы.

рокую географию интервью, материалы не показывают специфических региональных особенностей практики использования ресурсов предприятия в личных целях. Повторяющиеся в каждой из бесед элементы натолкнули меня на идею о том, что можно использовать весь набор интервью в качестве материала для самостоятельного исследования. Исследование также было дополнено фотографиями некоторых вещей, имевших биографии, сходные с теми, что упоминались в интервью.

ПУТЕШЕСТВУЮЩАЯ ВЕЩЬ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Кастрюля и сковородка относятся к тому типу домашней утвари, длительность жизненного пути которой зависит от того, чем и как ее чистят. Современный рынок товаров бытовой химии представляет широкий спектр абразивных средств, конкурирующих за внимание потребителя с помощью рекламы. Сопровождающий моющие средства нарратив, описанный Роланом Бартом (2008:99–101), эксплуатирует тщеславие домохозяйки, для которой чистая кастрюля является знаком того, что она «хорошая хозяйка». «Тирания чистоты», подогреваемая советским официальным дискурсом (вспомнить хотя бы «Федорино горе» Корнея Чуковского), распространялась и на советские домохозяйства. Выпускаемые советской промышленностью моющие средства не давали удовлетворительного результата. Стремясь иметь дома чистые кастрюли и сковородки, работники предприятий тяжелой промышленности, например, могли использовать возможности, имеющиеся на производстве. При этом посуда могла чиститься «сама по себе», не отрывая работника от работы.

Рассмотрим пример, когда кухонную утварь чистили, используя для этого те же способы, что и для гальванизации деталей и термической обработки, применяемые в машиностроении. Эти технологические процессы не предполагают сосредоточенного контроля за работой приборов и связаны с длительным ожиданием. Если же работник (по материалам интервью, это были всегда женщины) долгое время работает на одной и той же операции, то вполне логичным выглядит творческое решение несколько разнообразить производственную рутину. Возможность совместить обработку промышленных деталей с чисткой домашних вещей «подсказывает» сама технология промышленного производства. В емкость или печь вместе с промышленными деталями можно загрузить свою кухонную посуду и утварь:

Вот, конкретно для дома вот у меня сейчас стоит вот эта вот сушилка для посуды, да, конкретно для дома я ее перепокрывала... Я ее занесла, покрыла [цинком] и вынесла. Потом, очистка посуды. Сковородки носила, но не на гальванике я их чистила, я их отдавала в термичку. Они там при высокой температуре закидывают их туда, все в печь, и при высокой температуре эта вся окалина, она отстает, и они выходят оттуда – новье. Прямо совсем как новые... Вот этот весь жир, который нагар жировой, он весь отскакивает (Интервью № 5).

В этом примере вещи – оцинкованная металлическая сушилка для посуды и чугунная сковородка – были принесены на завод, поскольку их внешний вид не удовлетворял хозяйку. Сушилка для посуды была помещена в гальваническую ванну и таким образом было восстановлено ее верхнее защитное покрытие («я ее перепокрывала»). Сковородка была раскалена до высокой температуры, чтобы снять с нее приставший жир («эта вся окалина, она отстает»). В результате по оценке хозяйки, вещи стали новыми («новье»), то есть приобрели тот же вид, который они имели после покупки.

Другая технология была применена для того, чтобы продлить жизнь кастрюле:

Как-то захотелось мне алюминиевые кастрюли сделать блестящими, новыми. Я их носила там, делала, состав сама сделала, сама их химически отполировала, потому что у нас, в принципе у нас не было химической полировки, но когда надо было что-то, мы ее делали (Интервью № 5).

Процесс химической полировки сглаживает микронеровности и придает изделию блеск, однако это достигается за счет растворения верхнего слоя. Кастрюля, упомянутая в интервью, все еще служит хозяйке, но новую чистку произвести будет невозможно, так как она от этого станет слишком тонкой.

Информант работала в должности мастера цеха, но два случая из приведенных связаны с обращением к подчиненным или работникам другого цеха, то есть к тем, кто непосредственно контролировал работу ванны или печи. Мастеру цеха вменяется в обязанность следить за соблюдением трудовой и производственной дисциплины. Это предполагает контроль за тем, чтобы работники не занимались посторонними делами, не отвлекались от производственного процесса. Но в данном случае мастер, во-первых, сама испытывает необходимость отвлекаться на «личные дела»; во-вторых, она не оценивает подобное использование технологий как ущерб для дисциплины или предприятия. Благодаря домашним вещам, принесенным из дома на работу, перед нами разворачивается ситуация, при которой участники используют профессиональные знания и язык, однако само взаимодействие не относится при этом к профессиональной коммуникации. Объединяя людей на основе общего интереса (иметь у себя дома такую посуду, которая была бы «как новая»), подталкивая их к тому, чтобы они занимались посторонними делами, а не концентрировались на производственном процессе во время оплачиваемой рабочей смены, вещи, тем не менее, не нарушали установленный порядок субординации. Из следующего фрагмента видно, что ремонт домашних вещей на работе был обычным занятием как для мастера, так и для ее подчиненных. Мастер и рабочие получают одинаковый доступ к ресурсу, но при этом каждый опирается только на свои знания и/или навыки. На вопрос о том, помогала ли информант своим подчиненным так же чистить посуду, она отвечает:

Если она что-то свое принесла, я – нет, я делать не буду. Сама делает. У нее время бывает. [...] Они получают от сделанного, но вот она загрузила детали и они у нее крутятся полчаса. За полчаса она много чего может сделать... Если она организованная очень, у нее время останется и свою кастрюльку

почистить... Я могла помочь сделать деталь, загрузить какую-то там партию, если кого-то там не было, отсутствовал на работе, на больничном, ну, мало ли что. В принципе я могла за любого работать, но вот эти вот домашние там какие-то детали я не делала... Свои я могла им подсунуть [*смеется*]. Ну, не свои, а вот, когда мне там что-нибудь приносили, то я могла им, конечно, подкинуть, чтоб сделали (Интервью № 5).

Должность мастера цеха в позднюю советскую эпоху, как правило, занимали выпускники вузов, но эта должность могла быть также предложена опытным рабочим. Для выпускника вуза в начале карьеры на производстве хорошим тоном считалось советоваться с опытными рабочими о тонкостях технологического процесса и особенностях вверенного коллектива. В целом, от человека, занимающего должность мастера, ожидалось (как со стороны рабочих, так и со стороны вышестоящего руководства), что он сможет выполнять любую операцию во вверенном ему цехе, а свои полномочия способен сочетать с обязанностями рабочего. Это приводило к тому, что между рабочими и инженерами сохранялось общение на равных. Соблюдение принципа равенства было также требованием официального дискурса⁹. В этом смысле практика «работы на себя» поддерживала иерархические отношения между мастером и подчиненными, давая повод продемонстрировать их. Как показано во фрагменте интервью, если к информанту обращался кто-либо из другого цеха («когда мне там что-нибудь приносили») с той же целью (почистить посуду), то этим могли заниматься подчиненные мастера. Согласие подчиненных указывает на то, что практика «работы на себя» в целом осознавалась как неправомерное действие, как нарушение установленного на производстве порядка. Выполняя подобное поручение мастера, рабочие вовлекали своего руководителя в систему обменов, которые будут подробно рассмотрены ниже.

Биография некоторых вещей начиналась в производственном цехе. Они изготавливались из заводского сырья, с применением заводских технологий и использованием заводского оборудования, а затем отправлялись в частное пространство (учитывая предназначение вещей, это могла быть не только квартира, но гараж или дачный участок)¹⁰.

Ну, тогда, ну что я делал для домашних... Ножи кухонные из нержавеющей стали, шампуры из нержавеющей стали, вязальные спицы для жены... мачеты [*так!*] для рубки мяса, там, с костями. Да, это я сам делал в рабочее время... Кто мог что-то делать – делали... (Интервью № 6).

---

⁹ Соблюдение принципа равенства в отношениях как элемента профессиональной этики неоднократно зафиксировано в художественных фильмах, посвященных производственной тематике. Например, в фильме «Еще не вечер» (1974, реж. Николай Розанцев) героине, ставшей мастером в коллективе, где она прежде была рабочей, приходится искать баланс в отношениях между прежними коллегами, которые раскрываются с новой стороны после ее назначения на должность руководителя.

¹⁰ В данном случае кажется уместным рассматривать гараж и дачный участок как составную часть домашнего пространства.

Для изготовления таких вещей требовались не только профессиональные знания и навыки (знание свойств веществ или сырья), но и умение изготовить полезную в домашнем хозяйстве вещь:

Когда я делал мачеты для рубки этого мяса из рессоры от грузовика, ну, потому что меня замучило, что топор, который был, он после рубки этих костей, он все время был в этих, в зазубринах... Поскольку рессора, она из пружинной стали 65 Г, я делал так, к примеру: я ее грел, значит (ее надо было расколоть, придать форму ковкой), то есть я ее грел резаком, а мой начальник кувалдой ее ковал [*смеется*]. Потому что он тоже любил что-то мастерить (Интервью № 6).

В данном фрагменте информант описывает технологию изготовления топора для рубки мяса («мачеты»). Творческим решением является использование рессоры грузовика (очевидно, подлежащего сдаче в металлолом), поскольку она изготовлена из более прочной стали, чем те инструменты, которые можно было купить в магазине бытовых товаров.

В приведенном фрагменте интервью, как и в случае с чисткой кухонной утвари, в изготовление вещи вовлечены начальник и подчиненный. Перед нами снова пример того, как «работа на себя» устанавливает связи поверх тех, что закреплены должностными инструкциями профессиональных отношений. Здесь в поле нашего внимания попадает тот факт, что, независимо от занимаемой должности, работники завода вовлекались в реализацию оригинальных идей производства вещей для домашнего хозяйства. Можно согласиться с мнением Джереми Морриса, что оценка практик, связанных с домашним производством, интегрирована в социальные и культурные оценки профессиональных навыков и способностей в организации и ведении домашнего хозяйства. «Двигателем» таких практик является возможность делиться участием с другими, равными в социально-экономическом плане; признание этих других; удовлетворение, которое получает сам человек как от выполнения сложной задачи, так и от потребительской стоимости произведенной вещи (Morris 2013:90). Общение на равных, в том числе между рабочими и инженерами, было составной частью «рабочей идентичности», которая представляла собой ресурс, позволяющий получить доступ к участию в социально-культурных практиках расширенной сети связей. Моррис отмечает также, что многие рабочие участвуют в этой сети, поскольку получают взаимное удовлетворение в признании находчивости и умений друг друга; удовольствие от творческой деятельности по обеспечению себя в скудных материальных условиях (98).

Помощь начальника своему подчиненному в изготовлении топора для рубки мяса демонстрирует, что работники могут быть вовлечены в практику «работы на себя», поскольку они обладают определенной степенью личной автономии: они сами распределяют объем работы во время смены, а руководитель доверяет этому проявлению самостоятельности. Этот же факт отмечает Антеби, когда описывает практику *la perrique*, уточняя, что в целом интерес к этой практике проявляют только высококвалифицированные рабочие, имеющие навыки и гарантирован-

ную начальством возможность гибко распоряжаться своим временем. Низкоквалифицированные работники не имеют достаточного профессионального уровня знаний и/или навыков, чтобы проявлять интерес к техническому творчеству (Anteby 2006:e27–e28). В корпусе интервью для нашего исследования есть также свидетельства того, что свобода действия воспринималась работниками как знак признания их качеств со стороны руководства.

Руководящие работники, в общем-то, об этом знали, что люди что-то где-то там у себя делают. И то не считалось там зазорным. Людей все-таки ценили за способность решать поставленные задачи. То есть если человек выполняет норму хорошо, то, что ему ставится в задачу, то к нему не придирались особо. Если же человек делает только для себя, а для производства от него толку нету, то, конечно, такие люди не нравились... Могли выговор, лишение премии там... Ну, если конфликт заходил, конечно, там, терпение у руководства кончалось, то, конечно, могли уволить (Интервью № 6).

Из приведенного фрагмента видно, что личная автономия понимается информантом как возможность исполнения практики «работы на себя» при условии верно расставленных приоритетов. Если работник демонстрирует, что для него делать что-то «только для себя» является менее важным, чем выполнение производственных задач, то нарекания и запреты со стороны руководства воспринимаются как недоверие к профессиональным качествам, как знак того, что руководство его не ценит. Кроме того, личная автономия воспринимается как реализация индивидуального подхода к работнику со стороны руководства. Особенно это касается тех случаев, когда работник нуждается в привлечении административного ресурса, чтобы транспортировать изготовленное им изделие домой. В качестве примера можно привести случай изготовления на механическом заводе корпуса автомобиля из фанерного листа. Чтобы реализовать свой замысел, работник «оформлял заказ через директора» (Интервью № 2). Это было связано не с процессом изготовления изделия, не с оплатой за произведенную работу, а с получением разрешения вынести выпиленные детали корпуса автомобиля через проходную, поскольку изделие имеет большие габариты. Этот факт можно подтвердить следующим примером, в котором описано, как небольшие по размеру вещи (кастрюля) путешествовали через проходную завода:

В общем-то не скрывали. И начальство знало, что пользуются этими услугами. Они и сами обращались иногда с некоторыми вопросами, с такими, что... кое-кому я лично делала, потому что еще надо было подумать, как это сделать, в наших условиях не все подходило. [...] Как-то на это закрывали глаза... все... и в принципе через проходную на тот момент. Ну, что, несу я кастрюльку. Несу и несу. Тем более нас и не обыскивали в то время (Интервью № 5).

Приведенный фрагмент также показывает, что практика «работы на себя» объединяла начальников и подчиненных; обращение начальника за помощью являлось для работника знаком признания его профессиональных качеств и уваже-

ния к его труду, а сама просьба воспринималась как интересная и творческая задача («еще надо было подумать, как это сделать»)¹¹. Как и в примере с чисткой посуды, начальник признает право работника на приватизацию рабочего времени и производственных ресурсов, с которым работник связан в контексте своих профессиональных обязанностей. В этом отношении можно сказать, что «работа на себя» выполняла двойную функцию: в ней реализовалась декларируемая официальным дискурсом идея всенародной собственности, а кроме того, она позволяла выразить уважение к труду рабочего.

Таким образом, работники получали удовольствие не столько от оплачиваемой работы, сколько от участия в совместном изготовлении вещей, от практики «работы на себя», которая позволяла демонстрировать перед коллегами и начальством свои умения и заручаться их поддержкой. Изготовление изделий было также связано с участием в системе обменов. Способность встроиться в эту систему являлась частью профессиональной компетенции, которая оценивалась внутри сети связей. Это становится особенно заметно, если обратить внимание на примеры, в которых взаимодействие между коллегами было основано на совместно разделяемом увлечении.

Так, в следующем фрагменте интервью общее хобби – рыбалка – является неизменным поводом завязать беседу, хотя предметом коммуникации является вещь (ледобур), необходимая для любимого увлечения:

Вот, допустим, вот эти ножи для ледобуров. Это, ну, в цехе люди работали там слесарями, сварщиками. Вот среди них было много рыбаков. И у них был лист тонкий из... нержавеющей. То есть он мне там пару полосок для ножей отрубил металла, вот. Тоже бесплатно. Потом он, я не знаю, там, через месяц ко мне подошел: «Вот я слышал, что ты такие ножи можешь делать. Сделай? Наплавь мне, а я, мне шлифовщики его шлифуют, и я им буду пользоваться». Я без вопросов ему наплавлял... (Интервью № 6).

В приведенном примере процесс создания вещи связан с циркуляцией материалов и коммуникацией людей между цехами завода. Процесс изготовления ледобура, сопровождаемый и переговорами, и работой с материалом, создает общий эмоциональный опыт, связанный не с заводским производством, а с удовольствием от практики «работы на себя». Этот фрагмент интервью также показывает, что вещь могла циркулировать между людьми, путешествуя из цеха в цех, достаточно длительное время, пока не была окончательно изготовлена. Во время этого путешествия она налаживает систему обменов ресурсами между людьми, гарантируя тем самым другим вещам возможность быть созданными. Это снова отсылает нас к вопросу о том, в качестве чего вещь циркулировала. Чтобы ответить на него, дополним приведенный выше фрагмент другим интервью:

---

¹¹ Отдельного внимания заслуживает сравнение с современной ситуацией, сложившейся на промышленных предприятиях, когда преодоление проходной воспринимается как процесс, унижающий человеческое достоинство. Эта трансформация отношений между руководством завода и работниками будет проанализирована в следующей части статьи.

Кто хотел, тот приносил шоколадку, кто не хотел, тот, значит, за спасибо... Там зависело еще от того, кто. Со многими просто так, посторонний человек редко подходил. Подходили все равно знакомые. И это знакомство могло быть просто – я знакома – и тогда, конечно, он, как из благодарности, приносил шоколадку, а с некоторыми были какие-то отношения. Имеется в виду деловые, то есть, ну, по работе либо не то, чтобы я от него зависела или он от меня зависел, но тем не менее мы с ним перекрещивались, по работе перекрещивались наши пути. Вот. И в результате были очень хорошие знакомые по работе. Попросил – ну, на, я тебе сделаю. Просто так, за спасибо (Интервью № 5).

Материалы интервью показывают, что вещь участвовала в создании сети связей внутри предприятия и, тем самым, налаживала систему взаимных обменов доступными ресурсами. В создаваемую сеть вовлекались коллеги, к которым приходилось обращаться в связи с производственным процессом («по работе перекрещивались наши пути»), но не меньшее значение имело чувство личной симпатии («очень хорошие знакомые по работе»). Излишне конструировать эту сеть как покрывающую всех работников предприятия. В действительности набор контактов отдельного работника зависел от его способности встроиться в систему обменов, но все же был ограничен, поскольку в формировании сети связей свою роль играют аффективные привязанности людей друг к другу. Кроме того, в данной сети обменов создаваемые вещи циркулировали в качестве предмета научно-технического творчества, а не в качестве товара или подарка (названному различию будет также уделено внимание ниже). Важно вспомнить, что обладание ресурсом являлось необходимым условием для участия в обменах. Однако обладание не нужно понимать как владение. Здесь стоит говорить об обладании в значении «уметь пользоваться ресурсом», создать вещь или совершить технологическую операцию, связанную с ее производством («Для этого ведь тоже надо способности. Не каждый может работать с металлом собственными руками» (Интервью № 6)). Поскольку речь идет о пользовании ресурсами предприятия, круг участников в обменах замыкается его работниками. Конечно, вещи могли изготавливаться для человека, не связанного с предприятием, но, как показывает приведенный выше фрагмент интервью, система обменов не работала на расширение. Что еще раз подтверждает тот факт, что ключевым моментом в обменах были знания и умения. Чтобы их продемонстрировать, нужно было согласиться потратить время на то, чтобы поделиться ими. А возможности и желание делиться навыками и временем сами по себе расценивались как ресурс, которым не стоит разбрасываться.

В материалах интервью содержится пример, когда информант обращался к своим коллегам с просьбами изготовить какие-то вещи, которые ему были нужны для личного пользования, и «расплачивался» спиртом:

...ну, видите, все было так, что, как говорится, ты мне – я тебе. Такая позиция. Надо, например, что-то мне, например, сварить, да, или что-то на токарном станке что-то сделать, подходишь и говоришь: «Николай Николаич, вот, мне бы надо то-то, то-то» – «Хорошо, сделаю». А когда приходишь, то приходишь уже не с пустыми руками (Интервью № 7).

Этот фрагмент интервью указывает на другое распространенное в советском обществе явление. Речь идет о системе немонетарного обмена, в котором роль «валюты» играл спирт. Строго говоря, эта ситуация выходит за рамки практики «работы на себя», однако на нее указывает биография путешествующей вещи, следовательно, одна должна быть рассмотрена. Информант сообщил, что однажды ему нужно было сварить печь для бани и он попросил сварщика об услуге, в благодарность за которую принес сварщику спирт. Здесь мы видим, что использование ресурсов предприятия в личных целях не всегда связано с взаимным обменом навыками. Были задействованы и другие варианты обменов. В данном случае ситуацию можно оценить как покупку, поскольку основным обоюдно признаваемым качеством возвращаемого объекта была его ликвидность. Можно согласиться с Дагласом Роджерсом, который в своем исследовании о самогоне как средстве обмена обыгрывает понятие *liquidity* (жидкость), сравнивая тем самым физические качества самогона и характеристику, относящуюся к деньгам, и отмечает, что, поскольку крепость жидкости измеряется в градусах, постольку и ликвидностью обладает самогон, а не другие самодельные напитки (Rogers 2005:64). Если судить по этому примеру, то может показаться, что спирт выступал эквивалентом денег. К подобному выводу, например, приходит Мириам Хивон, анализируя похожую ситуацию. При этом она считает, что за фактом обмена стоит маскировка наемного труда под взаимопомощь, потому что наемный труд был запрещен в СССР (Hivon 1994:10). Такой вывод не кажется нам обоснованным. Здесь стоит обратить более пристальное внимание на процедуру определения цены, о чем информант в нашем случае сообщает достаточно подробно. Ключевым моментом в довольно длинном разговоре является реплика, которая иллюстрирует представление о том, что навыки и время сами по себе являются ресурсом, которым не стоит разбрасываться. Так, на вопрос о том, как информант узнавал, сколько спирта нужно было принести, он отвечает:

...да как-то я даже не знаю, но, но скорей всего, что это зависит от характера или от понимания того, что сколько я могу дать, сколько у меня есть, потому что я тоже не то, как говорится, у меня не ведро стоит и там не цистерна, а тоже он знает, что я могу столько-то, например, там получить в месяц. То есть соответственно, с этого и... (Интервью № 7).

Как видно из приведенного фрагмента, цена не назначалась, не оговаривалась, как при обычной покупке, но должна была быть рассчитана исходя из взаимного понимания обоюдных возможностей работников в пределах пространства завода. Производимый расчет связан с тем, что ресурсы, которыми располагает человек, понимаются как доля в том широком ее смысле, какой показал в своем труде Александр Потebня (2000:370). То есть, с одной стороны, обладание ресурсом признается как преимущество, а с другой – осознается его ограниченность. Причем понимание является взаимным для участников коммуникации: «это зависит от характера или от понимания того, что сколько я могу дать, сколько у меня есть», и тут же – «он знает, что я могу столько-то». В этом расчете обе стороны показывают свое мнение друг о друге: какова твоя доля – в значении «судьба» и «место в жизни», то есть в этой оценке содержится признание вклада человека на

уровне его участия в общих делах и на уровне организации своей собственной жизни. Таким образом, спирт не является эквивалентом денег. С его помощью участники обмена выражают взаимное понимание ценности друг друга и проявление уважения друг к другу. Поэтому за просьбу изготовить какую-либо вещь не может быть назначено одной цены, ведь каждый человек, который обращается с просьбой, в представлении того, кто ее выполняет, имеет разную ценность; и, наоборот: тот, кто приносит спирт, исходит в определении количества своего приношения из своего понимания вклада того, кто оказал ему услугу. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов тот факт, что понимание вклада каждого в широком смысле этого слова, понимание того, что этот человек стоит, связано с практикой распития спиртных напитков для скрепления отношений, особенно в мужских компаниях. Принесенный спирт мог быть употреблен совместно или в большой компании. Поведение человека в таких ситуациях характеризовало его определенным образом перед другими членами группы, то есть именно здесь каждый для себя определял, чего стоит другой. Во время распития осуществлялись новые договоренности и, как верно отмечает Роджерс, многие из них приводили к «немонетарным вкладам в домашнее хозяйство» (Rogers 2005:69). В итоге мы наблюдаем, что демонстрация результатов научно-технического творчества, основанная на взаимном добровольном обмене доступными ресурсами, соприкасалась с другой формой обмена – обменом дарами, связанным с обязанностью давать, принимать и возвращать. Выявить две разные ситуации коммуникации между работниками позволило исследование биографий создаваемых вещей.

В данном разделе статьи были представлены два примера путешествия вещей, созданных в рамках практики «работы на себя». В одном случае речь шла о купленных ранее и бывших в длительном пользовании промышленных товарах, которые работники приносили из дома на завод, чтобы «обновить» – то есть вернуть вещам утраченные качества. В другом – о вещах, которые начинали свою биографию на заводе: их изготавливали из доступных на заводе материалов и затем приносили домой. Этот небольшой фрагмент биографии вещи оказался довольно информативным для изучения системы взаимодействия между работниками промышленных предприятий, формирующейся поверх профессиональных обязанностей, но использующей профессиональные знания и навыки. Вещи являлись инструментом социальной сети, основанной на взаимно разделяемом удовольствии людей от процесса производства предметов для личного пользования. Вещи инициировали взаимодействия людей, но становились участниками коммуникации и формировали аффективные привязанности как по отношению к себе, так и между людьми. За время перемещения между домом и заводским цехом вещи приобретали новые значения. Используя метафору Екатерины Дёготь¹², можно сказать, что во время путешествия вещи становились «вещами-товарищами».

---

¹² Екатерина Дёготь называет домашние самодельные вещи «товарищами». Анализируя особенности советских вещей, она подчеркивает, что их производство в советском пространстве дополняется практикой приспособления вещи к реальному потребителю. Во время переделки создается «товарищ» – уникальная по своим характеристикам вещь. Данная практика основана на солидарности, создании общности между людьми вокруг вещей (Дёготь 2000).

ПУТЕШЕСТВУЮЩАЯ ВЕЩЬ КАК МАРКЕР СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В рассмотренных в предыдущем разделе примерах факт путешествия вещи из заводских цехов в домашнее пространство, как правило, обнаруживается по ее внешнему виду, а также упоминается в рассказах о том, как и откуда эта вещь происходит, как и с помощью чего она была отремонтирована. Вещь также несет в себе воспоминания о взаимодействии между коллегами: о том, кто способствовал процессу ее создания или улучшения. В этом смысле практика «работы на себя» производит «вещи-товарищи». Несмотря на то, что процесс создания таких вещей сопряжен с творчеством и практика эта была очень распространена, официальным дискурсом она воспринималась как нарушение. Использование ресурсов предприятия в личных целях, как было рассмотрено выше, является конвенционально санкционированной приватизацией рабочего времени и производственных ресурсов. Приватизацией, которая в индустриальной экономике, основанной на массовом промышленном производстве, воспринимается как отказ от прибыли, посягательство на собственность и покушение на дисциплинарные режимы. Поэтому отношение к практике «работы на себя» за пределами цеха или завода (то есть в зависимости от того, какие конвенции и с кем были заключены), выражено в емких фразах «нарушение трудовой и производственной дисциплины», «потеря рабочего времени на производстве».

Прослеживая траекторию движения путешествующей вещи, становится отчетливо видно, что в разных сферах социального пространства вещь и процессы, происходящие с ней, могут находиться в управлении разных дискурсов. Практика «работы на себя» пространственно и символически связана с работой, но однозначно направлена на обустройство домашнего пространства. В этом несовпадении заложен конфликт официального дискурса с другими (например, с профессиональным) в определении своего отношения к домашним вещам, производство которых связано с приватизацией времени и ресурсов предприятия. При изготовлении вещи работники демонстрируют в прямом и переносном смысле чудеса изобретательности и энтузиазм. Они применяют свои профессиональные знания к решению таких технологических задач, которые в условиях производства никогда перед ними не будут поставлены. Возможности применения профессиональных навыков, которые демонстрирует практика «работы на себя», намного шире, чем этого требует стандартизированное производство. Однако официальный дискурс репрессирует творчество в пределах производственной сферы, если оно направлено на удовлетворение личных нужд. Социалистическое соревнование и движение рационализаторов как раз подтверждают это наблюдение, потому что они связаны с общественной пользой. Примечательно также наблюдение Морриса, который отмечает, что вклад мужчин в домашнее хозяйство часто упускается исследователями из виду именно в связи с тем, что исследуя практики домашней сферы, усилия, приложенные за пределами дома, остаются незамеченными (Morris 2013:98).

Официальный дискурс поздней советской эпохи производил суждения, согласно которым женщина вкладывает в домашнее производство двойные усилия, в то время как мужчина из него самоустранился. Нравоучительная интонация раз-

говоров на тему ведения домашнего хозяйства на паритетной основе встречается в периодической печати, советах по домоводству, в художественных фильмах¹³. В женских журналах конца 1970 – начала 1980-х можно обнаружить статьи, где основным аргументом является суждение о том, что без мужского участия дом не может считаться благополучным:

Дом, где нет настоящего хозяина, напоминает запущенный гостиничный номер. [...] Бывает ведь так: приходит домой человек, которого по всем законам следовало бы назвать хозяином, опускается в кресло перед телевизором – и ничто больше его не волнует. [...] Довольно много таких отцов семейства встречается сегодня. [...] Другой, хотя и мастер на все руки, работать по дому не любит – нет у него такого желания... Время идет, и наконец жена приглашает в дом родственника или мастера из ЖЭКа, и он делает все необходимое. Кое-кто еще относится к работе по дому как к чему-то, унижающему мужское достоинство, – есть, мол, дела поважнее. Домашние заботы считает исключительно женской привилегией! Так или иначе, но во всех этих случаях дом остается без хозяина. Многие семья теряет при этом. Ведь какой бы опытной не была хозяйка, как бы ловко и скоро не справлялась она с готовкой, стиркой, уборкой, все же есть домашние дела, которые не зря считаются мужскими. Мужчина лучше справится с ремонтом квартиры, починкой мебели и сложных бытовых приборов, сумеет устранить и разные мелкие неисправности – водопровода, канализации, электричества¹⁴.

Как правило, такие статьи сопровождали рекомендации с эскизами и чертежами мебели для кухни, детской или садового участка. Вместе и статьи, и советы можно рассматривать как тактику привлечения мужчин к организации домашнего пространства (можно сказать, что официальный дискурс с большим опозданием обратил внимание на «мужские» вещи¹⁵). В целом, согласно официальному дискурсу, самодельные вещи есть результат домашнего технического и прикладного творчества. Тот факт, что многие изделия не могли быть изготовлены без использования заводских условий и технологий (то есть что они являются и результатом практики «работы на себя») просто игнорировался. Выбранные языковые средства нивелировали или, как минимум, принижали участие мужчин в

---

¹³ Например, в фильме «Еще не вечер», героиня предлагает мужу помыть посуду, потому что она готовила обед, ссылаясь при этом на рекомендации о разделении домашнего труда в журнале «Здоровье».

¹⁴ «Своему дому хозяин». 1982. *Работница* 3:30–31.

¹⁵ Имея в виду фокус данной статьи, придется оставить без внимания тот факт, что употребление слов «самodelки» и «переделки» впервые встречается в журнале «Работница» сравнительно поздно. Так, слово «самodelки» можно найти в № 12 за 1979 год (с. 30–31), а «переделки» – в бесплатном приложении к № 9 за 1980 год. В целом количество советов по изготовлению «самodelок» увеличивается после принятия на майском Пленуме ЦК КПСС (1982) Продовольственной программы, которая рассматривалась как мера по преодолению товарного дефицита в стране. Также остается без внимания воспитательная функция, которую официальный дискурс делегировал женщинам и которая имела отношение не только к детям, но и к мужчинам: женщины должны были «подтянуть мужчину до своего уровня», воспитать или перевоспитать.

домашнем производстве и не раскрывали ту степень удовольствия, которую мужчины могли получать, изготавливая вещь и пользуясь ею в домашнем хозяйстве. Независимо от происхождения вещи, от того, как, кем, где, из чего она была сделана, официальный дискурс «приписывал» все самодельные вещи домашнему пространству. Но, как было показано в предыдущем разделе, практика «работы на себя» производила «вещи-товарищи». Их владельцы рассказывают о биографиях сделанных ими вещей, опираясь на последовательность своих действий (как в следующем примере) или технологического процесса (как в примерах изготовления ледобура или мачеты), а не на высказывания официального дискурса:

Я, например, где-то в «Науке и жизни» прочитал там эскиз дан этой печи, какие преимущества, все. Я вот как-то увлекся и вот решил такую построить. Ну, вот снял все эти данные с журнала, и вот мне по этим сделали (Интервью № 7).

В этом фрагменте информант рассказывает о том, как просил знакомых на заводе изготовить печь для бани из металлического листа (о получении листа будет сказано ниже). Пример хорошо показывает, что первичными являются те смыслы, которые связаны с биографией вещи и возникают из непосредственного взаимодействия людей и вещей, а не те, которые производятся в социальном пространстве в результате взаимодействия или конкуренции дискурсов. В подтверждение этой позиции можно привести исследование Алайны Лемон, которая доказывает, что люди как потребители товара не связывают материальные объекты с иерархией цены, не оценивают их качество, но придают вещам смыслы, подчеркивающие, каким путем вещи ломаются, разрушают порядок, препятствуют человеческим усилиям (Lemon 2009:205). Другими словами, значение вещей определяется людьми из своего опыта даже тогда, когда дискурс претендует на эту функцию и распределяет их в социальном пространстве: приписывая статусы, функции и характеристики. Практика производства вещи может оказаться сильнее дискурса и преодолеть неодобрительное отношение к себе тем, что может изобрести способы легализации произведенных вещей.

Можно назвать два способа легализации вещей, произведенных с использованием практики «работа на себя». Это «подарки от коллектива» и процедура «списывания». Подарки от коллектива достаточно широко распространены. Так, например, Антеби пишет в своем исследовании, что в домах французских пенсионеров он очень часто наблюдал самодельные вещи, изготовленные на заводе. Как правило, это были подарки от предприятия, которые вручались во время церемонии проводов на пенсию (Anteby 2006:e26–e27). Что касается работников советских предприятий, то в материалах интервью не встречается упоминание о церемонии проводов на пенсию, но есть случай поздравления с днем рождения. В качестве подарка от коллектива имениннику был преподнесен набор шампуров титанового сплава (Интервью № 4). Для того чтобы выразить искреннюю признательность своему коллеге, пожелание сохранять эмоциональную

связь с коллективом и заводом в качестве подарка была выбрана самостоятельно изготовленная, а не купленная или обычно выбираемая в качестве подарка по такому поводу, вещь¹⁶.

Важность обладания вещью, позволяющей чувствовать эмоциональную связь с производственным пространством, показывает и другой пример. На просьбу описать свою работу информант отвечает:

У меня была такая работа. Самая любимая, пожалуй. У меня есть датчики вообще-то, которые я изготовляла, которые мы лепили для испытаний на детали двигателей. Вот. Сначала датчик изготовишь, потом его приклеишь куда надо. Потом его это, ой, такая спиралька, проволочная, к ней припаиваются потолще проводочки. К этим проводочкам – еще толще. И вот все это надо было аккуратно сварить, изолировать, все это вывести. Все это потом выводилось на приборы (Интервью № 8).

После этого информант прервалась, вышла в другую комнату и принесла тот датчик, о котором рассказывала. Оказалось, что она вынесла его с завода, когда уходила на пенсию. Она с большой гордостью показала его, объясняя, что именно с этими датчиками летали самолеты. В этом жесте выражено ее желание подчеркнуть свой вклад в производство не просто фрагмента отдельного узла, но целого самолета.

Таким образом, вещи, в биографии которых запечатлена связь с заводом как местом работы, попадая в домашнее пространство, усиливают эмоциональную привязанность к своему прошлому. При этом некоторые из этих вещей являются настоящими «долгожителями» в том значении, что они не просто пылятся на балконе или в гараже, а продолжают выполнять свои функции. О таких вещах можно сказать, что, перемещаясь из прошлого в современное социальное пространство, они приносят с собой и фрагмент минувшей жизни, часть биографии человека. Этот тезис будет развернут в описании второго способа легализации вещей, произведенных с использованием практики «работы на себя».

Речь пойдет о способе использования остатков сырья предприятия. Такая процедура называлась «списыванием», то есть утилизацией, продажей по остаточной стоимости, снятием с баланса предприятия. Предприятие «списывало с баланса» то, что признавалось негодным, использованным, отработавшим свой срок, а работники, в свою очередь, «выписывали» это. То есть предприятие списывало не саму вещь, изготовленную на заводе, а материалы для ее производства. Это касалось как металлолома, так и сырья, которое поставля-

---

¹⁶ Сюзан Рид, исследуя дискурс советской прессы хрущевского периода, рассматривает статью, в которой заводской профсоюз подарил семье на новоселье ковер и, как сказано в статье, семья очень гордилась тем, что этот ковер не был куплен в магазине, а подарен заводскими коллегами (Reid 2009:138). В брежневскую эпоху официальный дискурс заметно меняет отношение к «подарку от коллектива» (ср., как он оценивается, например, в фильмах «Старики-разбойники» (1971, реж. Эльдар Рязанов), «Служебный роман» (1977, реж. Эльдар Рязанов)). В последнем случае выбранный подарок – «конь с крыльями» – представлен как абсолютно нелепая и бессмысленная вещь, чисто формальный подарок.

лось на завод. Поскольку сырье, по описаниям информантов, поставлялось с излишками¹⁷, его тоже можно было «выписать» – то есть купить по той же цене, по которой оно поставлялось на завод. Строго говоря, процедура «списывания» не связана только с практикой «работы на себя», но именно она часто упоминается при рассказе о биографии некоторых путешествующих вещей, которые были сделаны на заводе (например, уже упомянутая выше печь для бани, изготовленная из металлического листа). Как правило, работники «выписывали» себе отслужившие свой срок вещи, чтобы отремонтировать их и затем пользоваться (если они не были сразу пригодны для использования); металлолом, чтобы изготовить вещи, необходимые на дачном участке. Такие случаи не являются примерами практики «работы на себя», но они тоже подтверждают, что сама процедура «списывания» означает доступ к ресурсу предприятия, которым работники пользовались.

В следующем фрагменте интервью показана востребованность металлолома. Речь идет о листах металла, который использовался в машиностроении для производства мелких деталей:

Вырубка – что это такое? Вот пришла лента, примерно вот такой вот ширины, да [*показывает 10–15 сантиметров*] и делают какую-нибудь деталь, вырубают. Дырочки наделали: звездочки, дырочки, там что угодно. Значит, детальки – они уходят, а вот эта вот вырубка, она остается. И вот это вот использовалось в быту. Как получали это? Выписывали, потому что просто так, конечно, вынести было нельзя... Вот у нас в саду, вот, например, в «Вишенке» у многих были заборы металлические из вот этой вот вырубки, потому что получали все сады с механического завода и многие, ну, кто был, может, ближе, потому что, на всех, наверное, не хватало, но таких заборов было очень много. Разные там детали были (Интервью № 5).

В данном примере информант описывает использование металлолома, отходов производственного процесса, в домашнем пространстве. Есть основания полагать, что подобное применение металлолома было распространенным явлением на территории СССР. Так, информант рассказывает о середине 1980-х – времени, когда она жила в Йошкар-Оле. На рис. 1, сделанном в дачном кооперативе в Перми в 2011 году, изображен один из подобных заборов. Такие же заборы, многократно покрашенные заботливыми хозяевами, я видела в пригороде Кутаиси (Грузия) в 2011 году.

---

¹⁷ Проблеме организации поставок сырья на промышленные предприятия в социалистической экономике посвящены отдельные работы. Владимир Шляпентох и Кэтрин Вердери описывают ситуации торга между руководством предприятия и государственными ведомствами, за которыми стоит заинтересованность предприятия в том, чтобы в самом деле сохранять некоторый «излишек», дабы не оказаться заложником возможного сбоя плановой экономики (Shlapentokh 1989; Verdery 1996).

Рис. 1. Забор из вырубки. Фото автора (25.06.2011, Пермь).

Другие примеры, когда металлолом «выписывали» на предприятиях и использовали затем для облагораживания территории дачных участков, тоже существуют, и результаты их так же до сих пор можно наблюдать в дачных кооперативах горожан. Работники одного из пермских предприятий, занимавшегося строительством понтонных мостов, «выписывали» для себя полые цилиндры, которые назывались у них «пontonной бочкой», для того чтобы соорудить на дачном участке систему накопления воды для полива (см. рис. 2). Один информант, который работал на предприятии, связанном с городским железнодорожным узлом, сообщил, что в их дачном кооперативе стояли списанные железнодорожные цистерны, в которые набиралась вода для общего пользования всех членов кооператива (Интервью № 3). Последний пример свидетельствует о том, что предприятие могло «списывать с баланса» отслужившие свой срок промышленные объекты не в личное, а в кооперативное пользование: помогая дачному кооперативу решить проблему распределения воды с учетом рельефа местности.

Рис. 2. «Понтонная бочка» на даче горожанина. Фото автора (08.08.2010, Пермь).

Что касается мелких вещей, то на предприятии иногда возникали затруднения с тем, чтобы определить остаточную их стоимость, и они, как свидетельствуют информанты, отдавались бесплатно. Это показывает следующий фрагмент интервью, где информант описывает, как в его владении оказался армейский термос. Чтобы пользоваться этой вещью, сначала ее нужно было самостоятельно отремонтировать.

Каждой вещи, в том числе и термосу, – определенный срок службы. Допустим, десять лет, пятнадцать лет там и т.д. Все, прошло время – его списывают. [Поставляют] новые. Там где-то погнутый, то помятый... Потом приходится их тут подравнять надо... там подогнуть, обклеить... резинки лопаются от времени уже. Ну, в общем, мы их приводили в порядок (Интервью № 9).

В отличие от кастрюли и сковороды, описанных в начале статьи, армейский термос, чтобы его «привели в порядок», путешествовал в обратном направлении – из рабочего пространства в домашнее. Но, не в пример посуде, испытавшей на себе повторное воздействие промышленных технологий, после всех манипуляций он не становится «как новый», а сохраняет в себе признаки старой, отслужившей свою службу, но еще пригодной для использования, вещи. Фрагмент биографии термоса также показывает, что у вещей, как и у людей, есть свой срок общественной службы с окончанием которого они, как люди, уходят на заслуженный отдых и

тоже меняют свой образ жизни. Информант, заядлый грибник, рассказал, что использует термосы как емкость для транспортировки грибов на дальние расстояния. Эта история показывает, как биография вещи может пересекаться с биографией человека, и на этом пересечении строится эмоциональная связь между «вещью-товарищем» и ее владельцем.

Анализируя на материале этих интервью значение, которое имела процедура «списывания» для работников советских предприятий, необходимо выделить три момента. Во-первых, «списывание» представляет собой доступ к ресурсам по праву принадлежности работников к данному предприятию. То есть этот доступ немого шире, чем возможность пользоваться только теми технологиями и оборудованием, с которыми человек непосредственно работает (как это было показано в отношении практики «работы на себя»). Во-вторых, «списывание» воспринимается работниками как возвращаемый им со стороны предприятия (его администрации) дар. Они включают неиспользованное сырье, подлежащий утилизации металлолом во взаимную систему обменов ресурсами, предоставляя от себя свои профессиональные знания и навыки, те умения, которые определяются личностными качествами, то есть предлагая себя как трудовой ресурс. В этом отношении процедура «списывания», как и практика «работы на себя», тоже функционирует в режиме обменов. Тем не менее важно еще раз подчеркнуть, что речь идет о разных типах обмена. В случае «работы на себя» – это взаимный обмен профессиональными знаниями. Что касается процедуры «списывания», то можно сказать, что она воспринимается работниками как возвращаемый со стороны предприятия дар, что кажется вполне логичным, поскольку для изготовления вещей требуются материалы. Из этого следует, в-третьих, что «списывание» является индикатором отношения администрации предприятия к работникам. Предлагая себя как трудовой ресурс, работники ожидают от начальства признания и уважения их человеческих и профессиональных качеств. В данном случае, в противовес «списыванию», практика «работы на себя» связана не с ожиданием, а с проявлением уважения к труду. Однако практика «работы на себя» и процедура «списывания» опираются на одни и те же принципы: они представляют собой доступ к ресурсам, функционирующий на основе взаимных обменов. Они также связывают доступ к ресурсам предприятия с уважением к труду и профессиональным качествам работника. В этом смысле можно говорить о том, что они являются реализацией социалистической идеи о всенародной собственности и социальной справедливости.

В качестве подтверждения последнего аргумента можно привести анализ оценки информантами отношений между работниками и администрацией предприятий в советское и постсоветское время. В целом процедура «списывания» воспринимается информантами как забота со стороны завода или организации. Однако, кроме этого варианта доступа к ресурсам, информанты вспоминают и другие случаи, когда предприятие помогало работнику. Здесь снова можно наблюдать, как процедура «списывания» соприкасается с другим явлением – безвозмездной арендой имущества предприятия. В трех интервью информанты рассказали о возможности пользоваться служебным автомобилем. В одном случае речь шла об устной договоренности с начальником воинской части об исполь-

зовании двух грузовых автомобилей на безвозмездной основе для длительной поездки за грибами в соседнюю область и оборудования стоянки в лесу (Интервью № 9). В двух других случаях разрешение о пользовании автомобилем было достигнуто после согласования (на безвозмездной основе) с непосредственным начальником или лицом, в ведении которого находился транспорт, однако услуги водителей были оплачены водкой. То есть перед нами снова ситуация обмена, которая построена на обязанностях давать, принимать и возвращать. Здесь любопытно рассмотреть оценку одного из информантов, согласно которой обратиться к непосредственному руководителю с просьбой об аренде автомобиля – справедливое требование, поскольку информант не жалела личного времени и усилий, отвечая на просьбы начальника и работая сверхурочно. Свой энтузиазм она объясняет тем, что ей нужно было построить дом. Реализуя свою задачу, она рассчитывала на помощь той воинской части, где работала заведующей складом¹⁸. То есть в ее понимании разрешение начальника воспользоваться автомобилем предприятия является его обязанностью давать, и в этом случае оправданы ее усилия возвращать. Причем в эту модель обмена вписаны ожидания уважения к труду, которые, по мнению информанта, были полностью оправданы за время работы:

Очень ценили. Очень ценили. Что-то бы сделать там по хозяйственной части, и всегда соберутся, что как решить, опять звонит командир... Все бросаю, бегу, прихожу: «Что случилось? – Вот, помогите, вот как что сделать. Давайте обсудим, как, что надо, как говорится»... Я была нужным человеком (Интервью № 1).

В то же время отсутствие уважения к труду работников, в оценке других информантов, – отличительная черта отношений между работниками и администрацией современных российских промышленных предприятий. Информанты выражают крайнее недовольство сложившейся в постсоветское время системой контроля за соблюдением трудовой и производственной дисциплины. Наивысшей точкой конфликта является заводская проходная – граница, по ту сторону которой действуют совершенно неприемлемые правила. Обиду вызывает подозрительность и недоверие: в каждом работнике охрана видит вора. Новые методы контроля разрешают досмотр личных вещей и обыски работников, что воспринимается как унижение человеческого достоинства. Эти правила представляют разительный контраст по сравнению с ситуацией советского времени, о чем было упомянуто, когда речь шла об отношении начальства к практике «работы на себя» (Интервью № 5). Чувство несправедливости особенно обостряется из-за того, что администрация закрывает работникам доступ к ресурсам. Что касается процедуры «списывания», то она полностью изменена в контексте рыночных отношений. Кое-что из отходов производства продается. Например, отслужившие срок службы шпалы жители Челябинска покупают для строительства жилых помещений

---

¹⁸ Информант эмоционально и в деталях рассказала о том, как она построила дом, подчеркивая то удовлетворение, которое она испытала, преодолев все трудности. Более подробно этот случай описан в предыдущем исследовании (Смоляк 2011).

(Интервью № 3). Причем зачастую предназначенные для утилизации тара или отходы продаются фирмами-посредниками. Например, пластиковые емкости из-под химикатов используются дачниками Перми для накопления воды (Интервью № 7). Что касается практики «работы на себя», то можно сказать, что руководство ведет с ней непримиримый бой. Информантам представляется, что это бой с тенью. В отношении стараний администрации по искоренению воров один из собеседников высказался следующим образом: «Завод в карманах не выносят. Выносят составами и машинами» (Интервью № 4). Информанты признаются, что изменение дисциплинарных правил в сторону ужесточения контрольно-пропускного режима, надсмотр службы охраны за рабочими во время трудового процесса в самих цехах наносит значительный ущерб эмоциональному состоянию, разрушает профессиональную солидарность.

Оценка отношений работников и администрации на современных российских предприятиях помогает понять, какое значение имела практика «работы на себя» в советском социальном пространстве. Поскольку она относится к повседневным практикам тактического типа (в том смысле, как определяет тактики де Серто), она не имеет своего места в социальном пространстве. Это как раз показывает отношение советского официального дискурса к ней. В новых обстоятельствах, в том числе в связи с изменением формы собственности многих промышленных предприятий, проявляется то значение, которое имел для рядовых работников доступ к ресурсам предприятия. Можно заключить, что новые владельцы заводов видят в практике «работы на себя» покушение на произведенную ими приватизацию собственности. Однако их стремление искоренить пережитки советской экономики оборачивается разрушением профессиональной рабочей этики, в которой значимым элементом является личная автономия. Распоряжение собой в пределах производственного процесса позволяет сохранить собственное достоинство и почувствовать гордость за работу. В этом смысле словосочетание «работа на себя», которое было привлечено, чтобы обозначить практику использования ресурсов предприятия в личных целях, на уровне языка демонстрирует стремление к проявлению самостоятельности, противопоставления своей индивидуальности обезличенному процессу массового индустриального производства. Кажется, что не стоит видеть в практике «работы на себя» один из примеров неформальной экономики. Конечно, она является немонетарным вкладом в домашнее хозяйство, что рассматривается исследователями как необходимый элемент неформальной экономики и процесса приватизации в широком значении этого понятия (Шанин 1999; Hivon 1994; Millar 1985; Morris 2013; Rogers 2005; Shlapentokh 1989). Однако она не способна и не стремится решить вопрос самообеспечения и тем более не является квазитоварным производством. Для «работы на себя» гораздо большее значение имеет эмоциональный эффект, получаемый от налаженных взаимоотношений и процесса производства вещей, нежели собственно необходимость в этих вещах. Стремление оценить практику «работы на себя» как пример неформальной экономики может возникать, поскольку, как показано в статье, немонетарные обмены, в которых участвуют работники предприятия, могут быть разного характера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доказывая преимущества нового метода написания романа, Сергей Третьяков писал: «Биография вещи имеет совершенно исключительную емкость для включения в нее человеческого материала» ([1929] 2000:71). Он предложил новый прием литературного повествования, основанный на переворачивании традиционной модели, при которой вещи подчинены людям. Делая наоборот, подчиняя людей вещам, можно глубже описать эмоции, высветив их социальную сторону. Для социально-антропологического анализа подобная оптика интересна тем, что она позволяет выявить явления, процессы и контексты, связь которых не очевидна. Необходимость такого подхода может быть связана с особенностью антропологического наблюдения, при котором исследователь-наблюдатель не достаточно дистанцирован от исследуемого объекта во времени, является носителем тех же культурных смыслов, которые он исследует.

В фокусе данного исследования находилось путешествие как фрагмент культурной биографии вещей. Эта метафора означала передвижение между пространствами производственной и домашней сферы. Таким образом, внимание было уделено не этапам жизненного пути – появлению, функционированию, исчезновению, – а пространству. Это было сделано, чтобы увидеть вещи, которые переживают разные периоды своей культурной биографии. В результате была рассмотрена система взаимодействия людей, возникавшая вокруг путешествующей вещи, и ее значение в социальном пространстве. Для исследования были выбраны только те вещи, путешествие которых состояло в том, что они ремонтировались или создавались на основе какой-то другой вещи. Процесс преобразования вещей назван практикой «работы на себя», которая подразумевает использование работниками рабочего времени и ресурсов промышленного предприятия в личных целях. «Работа на себя» понимается как одна из повседневных практик тактического типа, теоретическое обоснование которых предложил де Серто. Это означает, что одной из ключевых характеристик практики является тот факт, что она лишена своего места в социальном пространстве, но обладает гибкостью и способностью встраиваться в существующий социальный порядок.

В социальном пространстве поздней советской эпохи широкое распространение практики «работы на себя» связано с тем, что она прерывает рутину производственного процесса. Люди отвлекаются на ремонт и изготовление личных вещей, чтобы на время отключиться от монотонной и однообразной работы на предприятии индустриального типа. В этом занятии «личными делами» ненавязчиво выражены сопротивление рациональному дисциплинарному порядку и протест против стандартизированного и обезличенного массового продукта. Выбранная форма резистенции имитирует ремесленное производство, которое воспринимается участниками как творческий и добровольный труд. Для работников промышленных предприятий вовлечение в практику «работы на себя» являлось возможностью применить свои знания и навыки, которые оказываются невостребованными в условиях стандартизированного производства. Проблема в том, что в советском социальном пространстве место техническому изобретательству было довольно четко определено кружками технического творчества (в ос-

новном для детей и юношества) и домашней сферой. При этом речь идет об экспериментальной деятельности, результаты которой далеко не всегда приводили к созданию функциональных и/или необходимых в домашнем пространстве вещей. В этом смысле практика «работы на себя» давала возможность внести свой вклад в обустройство дома. При этом мужчины проявляли большой интерес к практике создания и ремонта вещей для своей семьи, что дает нам основание по-новому взглянуть на распространенное в социальных науках представление о гендерном распределении домашнего труда.

Результаты исследования показывают, что практика «работы на себя» может быть органично встроена в систему производственных отношений, поскольку она представляет собой систему взаимных обменов доступными ресурсами. Под ресурсом понимаются время, материалы и технологии промышленного производства, а также профессиональные знания и умения участников обменов. Участие в обменах по поводу ремонта или создания вещей связано с желанием разделить удовольствие от нестандартного применения своих знаний и умений; продемонстрировать их другим, равным себе в социально-экономическом плане; получить от них признание своих личных и профессиональных качеств. В этом смысле, благодаря тому, что практика «работы на себя» устанавливает связи поверх закрепленных должностными инструкциями отношений, можно говорить о том, что подобная система взаимных добровольных обменов является чувствительным индикатором социальных эмоций. Исследование практики «работы на себя» позволило установить, что в социальном пространстве поздней советской эпохи практика «работы на себя» являлась конвенционально санкционированной приватизацией рабочего времени и производственных ресурсов, но воспринималась как реализация социалистической идеи о всенародной собственности. Более того, в доступ к ресурсам предприятия, который имели работники, было встроено ожидание уважения к труду.

В условиях отсутствия доступа работников к ресурсам предприятия существование практики «работы на себя» становится затруднительным. Это отражается на социальном настроении работников, которые считают, что новые собственники предприятий неуважительно относятся к труду, а современная социально-экономическая ситуация в целом характеризуется утратой социальной справедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт, Ролан. 2008. «Пеномоющие средства». С. 99–101 в *Мифологии*. Перевод с фр. Сергея Зенкина. М.: Академический проект.
- Вахштайн, Виктор. 2006. «Социология вещей и “поворот к материальному” в социальной теории». С. 7–39 в *Социология вещей*, под ред. Виктора Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Гофман, Александр. 2011. «Социальная антропология Марселя Моссса». С. 7–54 в *Марсель Мосс. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*, под ред. А.Б. Гофмана. М.: КДУ.
- Гурова, Ольга. 2008. *Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью*. М.: Новое литературное обозрение.
- Дёготь, Екатерина. 2000. «От товара к товарищу. К эстетике нерыночного предмета». *Логос* 5–6(26):29–37.

- Козлова, Наталья. 2005. *Советские люди. Сцены из истории*. М.: Европа.
- Копытофф, Игорь. 2006. «Культурная биография вещей: товаризация как процесс». С. 134–169 в *Социология вещей*, под ред. Виктора Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Людтке, Альф. 2010а. «Рабочие в Восточной и Западной Германии: “Качественная немецкая работа” в период с 1950-х по 1990-е годы». С. 246–269 в *История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти*, под ред. С.В. Журавлёва. М.: РОССПЭН.
- Людтке, Альф. 2010б. «Рабочие, Eigensinn и политика на германских предприятиях в 1980-е–1914 годы». С. 84–128 в *История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти*, под ред. С.В. Журавлёва. М.: РОССПЭН.
- Мосс, Марсель. 2011. «Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах». С. 134–285 в *Марсель Мосс. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*, под ред. А.Б. Гофмана. М.: КДУ.
- Потебня, Александр. 2000. «О доле и сродных с нею существах». С. 357–397 в *Собрание трудов. Символ и миф в народной культуре*. М.: Лабиринт.
- Серто, Мишель де. 2013. *Изобретение повседневности*. Том 1, *Искусство делать*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Смоляк, Ольга. 2011. «Сделай сам. Несколько замечаний о комфорте и изобретательности советского человека в 1960-е годы». *Ab Imperio* 4:236–259.
- Смоляк, Ольга. 2012. «Советские несунуны». *Отечественные записки* 1:311–318.
- Соснина, Ольга и Николай Скорин-Чайков. 2010. «Канон и импровизация в политической эстетике советского общества: дары вождям». *Новое литературное обозрение* 101:130–148.
- Третьяков, Сергей. [1929] 2000. «Биография вещи». С. 68–73 в *Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа*, под ред. Н.Ф. Чужака. М.: Захаров.
- Шанин, Теодор, ред. 1999. *Неформальная экономика: Россия и мир*. М.: Логос.
- Щепанская, Татьяна. 2010. *Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX – начало XXI в.)*. СПб.: Наука.
- Anteby, Michel. 2006. “Factory ‘Homers’: Understanding a Highly Elusive, Marginal, and Illegal Practice.” *Sociologie du Travail* 48(S1):e22–e38.
- Balina, Marina and Evgeny Dobrenko, eds. 2009. *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style*. London: Anthem Press.
- Certeau, Michel de. 1984. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press.
- Crowley, David and Susan E. Reid, eds. 2002. *Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc*. Oxford: Berg.
- Crowley, David and Susan E. Reid, eds. 2010. *Pleasures in Socialism: Leisure and Luxury in the Eastern Bloc*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Gluckman, Max, ed. 1964. *Closed Systems and Open Minds: The Limits of Naïvety in Social Anthropology*. Chicago: Aldine Publishing Company.
- Hahn, Hans Peter and Hadas Weiss, eds. 2013. *Mobility, Meaning and Transformations of Things: Shifting Contexts of Material Culture through Time and Space*. Oxford: Oxbow Books.
- Hivon, Myriam. 1994. “Vodka: The ‘Spirit’ of Exchange.” *Cambridge Anthropology* 17(3):1–18.
- Klumbyte, Neringa and Gulnaz Sharafutdinova, eds. 2012. *Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Lemon, Alaina. 2009. “The Emotional Lives of Moscow Things.” *Russian History* 36(2):201–218.
- Millar, James R. 1985. “The Little Deal: Brezhnev’s Contribution to Acquisitive Socialism.” *Slavic Review* 44(4):694–706.
- Morris, Jeremy. 2013. “Beyond Coping? Alternatives to Consumption within a Social Network of Russian Workers.” *Ethnography* 14(1):85–103.
- Reid, Susan E. 2009. “Happy Housewarming!: Moving into Khrushchev-Era Apartments.” Pp. 133–160 in *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style*, edited by Marina Balina and Evgeny Dobrenko. London: Anthem Press.

- Rogers, Douglas. 2005. "Moonshine, Money, and the Politics of Liquidity in Rural Russia." *American Ethnologist* 32(1):63–81.
- Shlapentokh, Vladimir. 1989. *Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Stalin Russia*. New York: Oxford University Press.
- Siegelbaum, Lewis H., ed. 2006. *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia*. New York: Palgrave Macmillan.
- Ssorin-Chaikov, Nikolai. 2013. "Gift/Knowledge Relations at the Exhibition of Gifts to Soviet Leaders." *Laboratorium* 5(2):166–192.
- Ssorin-Chaikov, Nikolai and Olga Sosnina. 2004. "The Faculty of Useless Things: Gifts to Soviet Leaders." Pp. 277–300 in *Personality Cults in Stalinism / Personenkulte im Stalinismus*, edited by Klaus Heller and Jan Plamper. Göttingen, Germany: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Thompson, Paul. 1988. "Playing at Being Skilled Men: Factory Culture and Pride in Work Skills among Coventry Car Workers." *Social History* 13(1):45–69.
- Verdery, Katherine. 1996. *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Weintraub, Jeff. 1997a. "Public/Private: The Limitations of a Grand Dichotomy." *The Responsive Community* 7(2):13–24.
- Weintraub, Jeff. 1997b. "The Theory and Politics of the Public/Private Distinction." Pp. 1–42 in *Public and Private in Thought and Practice: Perspectives on a Grand Dichotomy*, edited by Jeff Weintraub and Krishan Kumar. Chicago: University of Chicago Press.
- Yurchak, Alexei. 2006. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

СПИСОК ИНТЕРВЬЮ

- Интервью № 1 – неавторизованное интервью. Женщина, 1929 года рождения, имеет начальное образование. В 1970–1980-е годы работала заведующей складом в военно-строительной части в Пермской области. Интервью записано на диктофон 15.09.2010, пос. Мулянка, Пермский край и 25.06.2011, Пермь. Запись и транскрибирование О. Смоляк. Личный архив автора.
- Интервью № 2 – неавторизованное интервью. Женщина, 1947 года рождения, имеет высшее техническое образование. В интервью рассказывала о своем отце – инженере-конструкторе механико-технологического завода г. Перми (1923 года рождения, среднее техническое образование), который изготовил автомобиль для семейных путешествий. Интервью записано на диктофон 28.08.2011, Пермь. Запись и транскрибирование О. Смоляк. Личный архив автора.
- Интервью № 3 – неавторизованное интервью. Мужчина, 1972 года рождения, среднее техническое образование. В конце 1980-х и в 1990-е работал в должности инженерно-технического специалиста на железнодорожном предприятии в г. Коркино Челябинской области. Интервью записано на диктофон 28.12.2010, Коркино, Челябинская область. Запись и транскрибирование О. Смоляк. Личный архив автора.
- Интервью № 4 – неавторизованное интервью. Коллективная беседа с участием пяти информантов: женщина, 1946 года рождения, имеет высшее техническое образование, в 1970–1980-е работала в конструкторском бюро в г. Куйбышеве; женщина, 1946 года рождения, имеет высшее техническое образование, в 1970–1980-е работала в конструкторском бюро в г. Куйбышеве; мужчина, 1946 года рождения, имеет высшее техническое образование, в 1970-х работал в конструкторском бюро в г. Бийске, с начала 1980-х работал на механическом заводе в г. Йошкар-Ола; женщина, 1952 года рождения, имеет высшее техническое образование, в 1970-х работала в конструкторском бюро в г. Бийске, с начала 1980-х работала на механическом заводе в г. Йошкар-Ола; мужчина, 1960 года рождения, имеет среднее техническое образование, в 1980-х работал на предприятии автомобильной отрасли в г. Тольятти. Все информанты занимали инженерно-технические должности. Запись О. Смоляк в блокнот наблюдения 02.01.2011, Самара. Личный архив автора.

- Интервью № 5 – неавторизованное интервью. Женщина, 1952 года рождения, имеет высшее техническое образование, в 1970-х работала в конструкторском бюро в г. Бийске, с начала 1980-х работала на механическом заводе в г. Йошкар-Ола в должности мастера. Интервью записано на диктофон 03.01.2011, Самара. Запись и транскрибирование О. Смоляк. Личный архив автора.
- Интервью № 6 – неавторизованное интервью. Мужчина, 1960 года рождения, имеет среднее техническое образование, в 1980-х работал на предприятии автомобильной отрасли в г. Тольятти в должности мастера. Интервью записано на диктофон 03.01.2011, Самара. Запись и транскрибирование О. Смоляк. Личный архив автора.
- Интервью № 7 – неавторизованное интервью. Мужчина, 1938 года рождения, имеет высшее техническое образование, с 1954 года до ухода на пенсию работал на химическом предприятии в г. Перми в должности ИТР. Интервью записано на диктофон 25.01.2012, Пермь. Запись и транскрибирование О. Смоляк. Личный архив автора.
- Интервью № 8 – неавторизованное интервью. Женщина, 1947 года рождения, имеет среднее образование, в середине 1960-х работала на хлебозаводе, в 1970–1980-х – на заводе авиадвигателей в г. Перми в должности слесаря КИП. Интервью записано на диктофон 13.06.2012, Пермь. Запись и транскрибирование О. Смоляк. Личный архив автора.
- Интервью № 9 – неавторизованное интервью. Мужчина, 1936 года рождения, имеет военное образование, в 1970–1980-е годы работал в ДОСААФ в г. Перми в должности заведующего учебной частью. Интервью записано на диктофон 23.02.2012, Пермь. Запись и транскрибирование О. Смоляк. Личный архив автора.

“WORKING FOR YOURSELF”: RESOURCE THEFT AT A FACTORY IN THE LATE SOVIET ERA

Olga Smolyak

Olga Smolyak holds the Candidate of Sciences degree in cultural studies and is a lecturer in the Department of Cultural Studies, Perm' State Academy of Arts and Culture. She is also a doctoral student in the Department of Medieval and Modern Languages at the University of Oxford. Address for correspondence: Brasenose College, Radcliffe Square, Oxford, OX1 4AJ, UK. olga.smolyak@bnc.ox.ac.uk.

I would like to thank the two anonymous reviewers and Laboratorium's coeditor Elena Bogdanova for their stimulating criticism that has led to considerable improvement of the article. Special thanks also go to Catriona Kelly, Serguei Oushakine, Alexei Golubev, and Laura Adams whose constructive comments, suggestions, and encouragement were extremely helpful in writing and especially revising this article. I am deeply grateful for inspiration to project directors, faculty, and participants of the Regional Seminar for Excellence in Teaching (RESET) "The Soviet in Everyday Life," which was organized within the framework of the Higher Education Support Program with the financial support of the Open Society Foundation (2010–2013). In addition, I must give credit to the Russian Foundation for Humanities for its financial support (project 13-03-00167).

This article focuses on the practice of “working for yourself” (*rabota na sebia*), which was common in the Soviet Union in the 1970s–1980s and entailed manufacturing and repairing household items during work hours, using factory resources. The theoretical approach is based on Michel de Certeau’s theory of everyday practices as anonymous creativity and on Igor Kopytoff’s concept of the cultural biography of things—the displacement of objects in social space and the resultant shift in their cultural meanings. I examine the creation and function of handmade objects, paying particular attention to their movement between the domestic sphere (private realm) and the enterprise (public realm). The objects are presented as participants in quasi-professional interactions, where they function as a tool for the creation of social networks. I conclude that during the late Soviet era the practice of “working for yourself” promoted the expression of professional identity and pride in work and was taken as the realization of socialist ideals of ownership. However, in the post-Soviet period, workers connect their limited access to factory resources, imposed by management, to disrespectful attitudes towards workers and the loss of social justice.

Keywords: Social Space; Soviet Everyday Life; Cultural Biography of Things; Public and Private Spheres; Social Network; Do-It-Yourself; Time Theft; Resource Theft; Workplace; Moral Code

REFERENCES

- Anteby, Michel. 2006. “Factory ‘Homers’: Understanding a Highly Elusive, Marginal, and Illegal Practice.” *Sociologie du Travail* 48(S1):e22–e38.
- Balina, Marina and Evgeny Dobrenko, eds. 2009. *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style*. London: Anthem Press.
- Barthes, Roland. 2008. “Penomoiushchie sredstva.” Pp. 99–101 in *Mifologii*. Translated by Sergei Zenkin. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Certeau, Michel de. 1984. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press.
- Certeau, Michel de. 2013. *Izobretenie povsednevnosti*. Vol. 1, *Iskusstvo delat’*. Saint Petersburg: Izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Crowley, David and Susan E. Reid, eds. 2002. *Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc*. Oxford: Berg.
- Crowley, David and Susan E. Reid, eds. 2010. *Pleasures in Socialism: Leisure and Luxury in the Eastern Bloc*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Degot’, Ekaterina. 2000. “Ot tovara k tovarishchu: K estetike nerynochnogo predmeta.” *Logos* 5–6(26):29–37.
- Gluckman, Max, ed. 1964. *Closed Systems and Open Minds: The Limits of Naivety in Social Anthropology*. Chicago: Aldine Publishing Company.
- Gofman, Aleksandr. 2011. “Sotsial’naia antropologiya Marselia Mossa.” Pp. 7–54 in *Marsel’ Moss: Obshchestva. Obmen. Lichnost’. Trudy po sotsial’noi antropologii*, edited by A. B. Gofman. Moscow: KDU.
- Gurova, Ol’ga. 2008. *Sovetskoe nizhnee bel’e: Mezhdru ideologii i povsednevnost’iu*. Moscow: Novoe literaturnoe obzorenie.
- Hahn, Hans Peter and Hadas Weiss, eds. 2013. *Mobility, Meaning and Transformations of Things: Shifting Contexts of Material Culture through Time and Space*. Oxford: Oxbow Books.
- Hivon, Myriam. 1994. “Vodka: The ‘Spirit’ of Exchange.” *Cambridge Anthropology* 17(3):1–18.
- Klumbyte, Neringa and Gulnaz Sharafutdinova, eds. 2012. *Soviet Society in the Era of Late Socialism, 1964–1985*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Kopytoff, Igor’. 2006. “Kul’turnaia biografiia veshchei: Tovarizatsiia kak protsess.” Pp. 134–169 in *Sotsiologiya veshchei*, edited by Viktor Vakhshain. Moscow: Izdatel’skii Dom “Territoriia budushchego.”
- Kozlova, Natal’ia. 2005. *Sovetskie liudi: Stseny iz istorii*. Moscow: Evropa.
- Lemon, Alaina. 2009. “The Emotional Lives of Moscow Things.” *Russian History* 36(2):201–218.

- Lüdtke, Alf. 2010a. "Rabochie, Eigensinn i politika na germanskikh predpriatiiakh v 1980-e–1914 gody." Pp. 84–128 in *Istoriia povsednevnosti v Germanii: Noveye podkhody k izucheniiu truda, voiny i vlasti*, edited by S. V. Zhuravlev. Moscow: ROSSPEN.
- Lüdtke, Alf. 2010b. "Rabochie v Vostochnoi i Zapadnoi Germanii: 'Kachestvennaia nemetskaia rabota' v period s 1950-kh po 1990-e gody." Pp. 246–269 in *Istoriia povsednevnosti v Germanii: Noveye podkhody k izucheniiu truda, voiny i vlasti*, edited by S. V. Zhuravlev. Moscow: ROSSPEN.
- Mauss, Marcel. 2011. "Opyt o dare: Forma i osnovanie obmena v arkhaiskikh obshchestvakh." Pp. 134–285 in *Marsel' Moss: Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii*, edited by A. B. Gofman. Moscow: KDU.
- Millar, James R. 1985. "The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism." *Slavic Review* 44(4):694–706.
- Morris, Jeremy. 2013. "Beyond Coping? Alternatives to Consumption within a Social Network of Russian Workers." *Ethnography* 14(1):85–103.
- Potebnia, Aleksandr. 2000. "O dole i srodnykh s neiu sushchestvakh." Pp. 357–397 in *Sobranie trudov: Simvol i mif v narodnoi kul'ture*. Moscow: Labirint.
- Reid, Susan E. 2009. "Happy Housewarming!: Moving into Khrushchev-Era Apartments." Pp. 133–160 in *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style*, edited by Marina Balina and Evgeny Dobrenko. London: Anthem Press.
- Rogers, Douglas. 2005. "Moonshine, Money, and the Politics of Liquidity in Rural Russia." *American Ethnologist* 32(1):63–81.
- Shanin, Teodor, ed. 1999. *Neformal'naia ekonomika: Rossiia i mir*. Moscow: Logos.
- Shchepanskaia, Tat'iana. 2010. *Sravnitel'naia etnografiia professii: Povsednevnye praktiki i kul'turnye kody (Rossiia, konets XX – nachalo XXI v.)*. Saint Petersburg: "Nauka."
- Shlapentokh, Vladimir. 1989. *Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Stalin Russia*. New York: Oxford University Press.
- Siegelbaum, Lewis H., ed. 2006. *Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia*. New York: Palgrave Macmillan.
- Smolyak, Olga. 2011. "Sdelai sam: Neskol'ko zamechanii o komfote i izobretatel'nosti sovetskogo cheloveka v 1960-e gody." *Ab Imperio* 4:236–259.
- Smolyak, Olga. 2012. "Sovetskie nesuny." *Otechestvennye zapiski* 1:311–318.
- Sosnina, Ol'ga and Nikolai Ssorin-Chaikov. 2010. "Kanon i improvizatsiia v politicheskoi estetike sovetskogo obshchestva: Dary vozhdiam." *Novoe literaturnoe obozrenie* 101:130–148.
- Ssorin-Chaikov, Nikolai. 2013. "Gift/Knowledge Relations at the Exhibition of Gifts to Soviet Leaders." *Laboratorium* 5(2):166–192.
- Ssorin-Chaikov, Nikolai and Olga Sosnina. 2004. "The Faculty of Useless Things: Gifts to Soviet Leaders." Pp. 277–300 in *Personality Cults in Stalinism / Personenkulte im Stalinismus*, edited by Klaus Heller and Jan Plamper. Göttingen, Germany: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Thompson, Paul. 1988. "Playing at Being Skilled Men: Factory Culture and Pride in Work Skills among Coventry Car Workers." *Social History* 13(1):45–69.
- Tret'iakov, Sergei. [1929] 2000. "Biografiia veshchi." Pp. 68–73 in *Literatura fakta: Pervyi sbornik materialov rabotnikov LEFa*, edited by N. F. Chuzhak. Moscow: Zakharov.
- Vakhshtain, Viktor. 2006. "Sotsiologiia veshchei i 'povorot k material'nomu' v sotsial'noi teorii." Pp. 7–39 in *Sotsiologiia veshchei*, edited by Viktor Vakhshtain. Moscow: Izdatel'skii dom "Territoria budushchego."
- Verdery, Katherine. 1996. *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Weintraub, Jeff. 1997a. "Public/Private: The Limitations of a Grand Dichotomy." *The Responsive Community* 7(2):13–24.
- Weintraub, Jeff. 1997b. "The Theory and Politics of the Public/Private Distinction." Pp. 1–42 in *Public and Private in Thought and Practice: Perspectives on a Grand Dichotomy*, edited by Jeff Weintraub and Krishan Kumar. Chicago: University of Chicago Press.
- Yurchak, Alexei. 2006. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.